

Энтони Борджиа

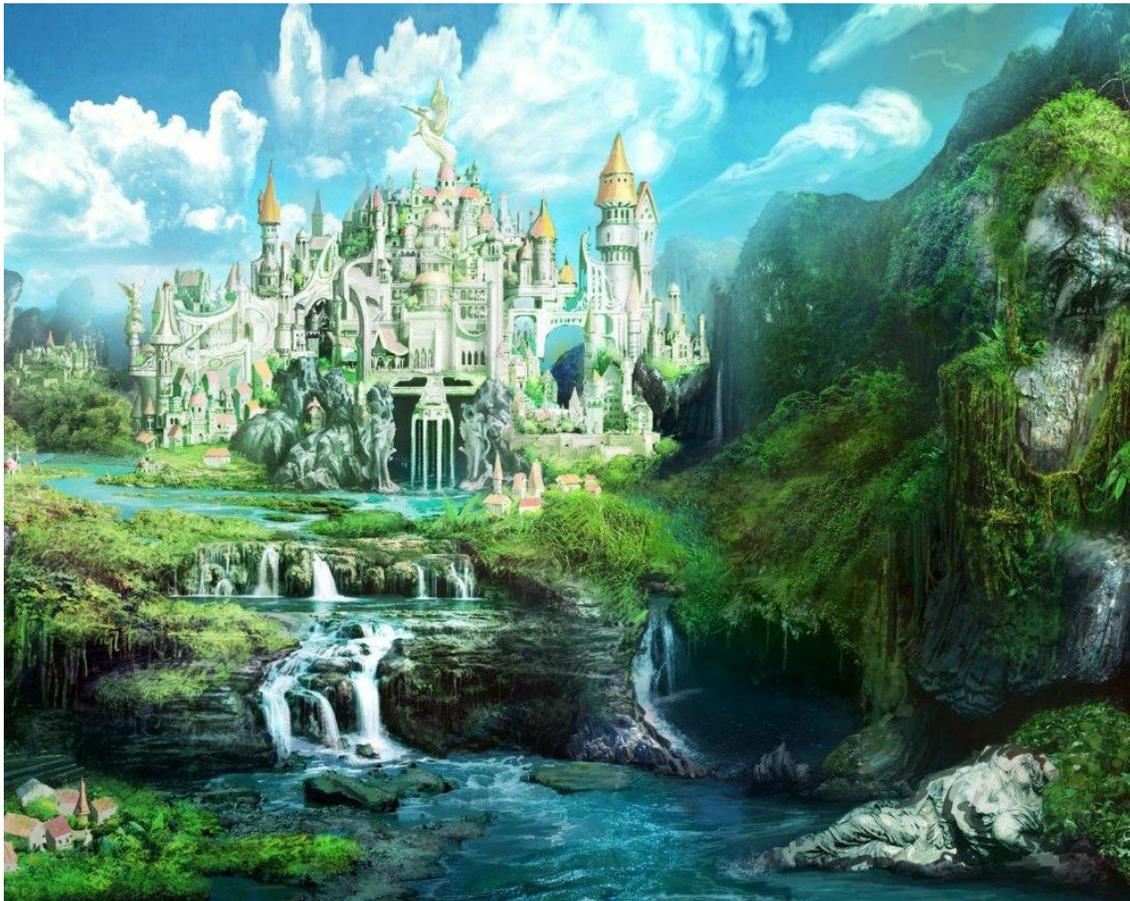
**Жизнь в мире невидимом:
часть 2**

Российская ассоциация инструментальной
транскоммуникации (РАИТ), 2014

Наш сайт: эгф.рф

Группа в контакте: vk.com/itc_russia

(С) перевод Ирины Потаповой

Предисловие

I. Переход

II. Пробуждение

III. Первые впечатления

IV. Визит

V. Духовная беседа

VI. Передвижение в духовном мире

VII. Город

VIII. Мы посещаем «церковь»

IX. Вопрос возраста

X. Урок созидания

XI. Человек в домике

XII. Глупость философов

XIII. Дом в лесу

XIV. Два гостя

XV. Правитель сферы

Эпилог

Предисловие

Мой духовный собеседник в этой книге был известен в земной жизни как Роберт Хью Бенсон, сын Эдварда Уайта Бенсона, бывшего архиепископа Кентерберийского, и был на вершине славы как проповедник и писатель, когда мы познакомились с ним много лет назад.

После его ухода из этой жизни я много раз задавался вопросом, что с ним теперь. Через своего духовного друга я узнал, что он здоров и преуспевает, и когда придет время, я получу от него известие.

Так в конце концов и произошло, и это положило начало серии рассказов, переданных им, первый из которых, «Жизнь в невидимом мире», представлял собой подробное повествование о его переходе в потусторонний мир. Он рассказывал о том, как после завершения его земной жизни его встретил бывший коллега по имени Эдвин и сопровождал его в духовный мир, где его уже ждал дом, копия его земного дома. После короткого отдыха он под руководством Эдвина начинает исследовать страну своей новой жизни. Во время этой экскурсии они встречают юную очаровательную девушку по имени Рут, которая также недавно прибыла в духовный мир. Она присоединяется к ним, и с тех пор они все трое неразлучны в работе и отдыхе.

В следующих своих рассказах монсеньор касается множества различных аспектов духовного мира, в том числе и своей «теологии», которая со времени его перехода подверглась полной и радикальной ревизии.

Его основное занятие сейчас состоит в том, чтобы встречать людей после смерти и сопровождать их в духовный мир. Вместе с ним работают его друзья Эдвин и Рут.

Все это время я имел честь выступать в качестве секретаря, записывая его рассказы. Благодаря различным средствам коммуникации у нас состоялись сотни встреч, на которые он являлся в сопровождении своих духовных друзей.

В настоящем рассказе, записанном мною в 1951 году, монсеньор рассказывает, как они с Рут, в этот раз без Эдвина, отправились на землю со своей «миссией сопровождения» к восемнадцатилетнему юноше. Но вместо того, чтобы затем передать его в другие руки, что обычно происходит в таких случаях, они пригласили его остаться у них дома (где он впервые проснулся в новой жизни), а когда он полностью отдохнул, они отправились в путь с «миссией сопровождения» другого рода – чтобы показать ему сферу, где они живут, и познакомить с ее обитателями.

I. Переход

Я надеюсь, вы прочитали несколько вступительных слов, которые написал обо мне мой земной секретарь, что позволяет мне без лишних предисловий перейти к моему рассказу.

Прошло уже почти сорок лет с момента моего перехода, когда я оказался на пороге нового мира. За последнее десятилетие мне удалось передать рассказ о моей жизни в той сфере духовного мира, счастливым обитателем которой я являюсь.

Вы должны знать, что жизнь в духовном мире может быть очень разной, разной настолько, что вы это вряд ли сможете себе представить, пока не окажетесь здесь. Но, несмотря на такое огромное многообразие, это не означает, что она сложна. Когда начинаешь сравнивать два мира, сразу становится очевидно, насколько сложна земная жизнь, и насколько проще жизнь в духовном мире. Это кажется удивительным, но это так. Об этом я еще собираюсь поговорить с вами попозже. А сейчас без дальнейших предисловий перейдем к моему рассказу.

В городе, не так далеко от моего дома, находится здание, выполняющее функцию справочного бюро. Здесь можно получить информацию по огромному количеству разнообразных вопросов. В данный момент нас больше всего интересует отдел, который занимается переходом людей из земного в духовный мир. Одна из моих задач состоит в том, чтобы помочь людям в момент их физической смерти, людям любого пола, вероисповедания и возраста, молодым и старым. Вместе со мной работают мои друзья – Эдвин и Рут. Иногда Эдвина не бывает с нами, но Рут и я почти всегда работаем вместе.

Вы можете спросить, как мы узнаем о том, что в наших услугах нуждаются, и кто и как направляет нас в нужное место. Ответ прост – справочное бюро. В наши обязанности не входит знать все методы, применяемые центральным офисом для сбора информации. От нас требуется лишь известить его о том, что мы готовы к выполнению любого задания, и далее следовать простой процедуре ожидания сообщения, что в наших услугах есть необходимость.

Как-то мы сидели в моем доме, являющемся копией моего старого дома на земле, когда до нас дошло сообщение о том, что нас ждут в центральном офисе. Мы тотчас же туда отправились, и нас приветствовал один из тех, с кем мы за последние годы близко познакомились, а он хорошо знал нас. Это была добрая душа, сердечный и понимающий человек с глубоким знанием людей, с которыми он работал. Именно это знание позволяло ему направлять на то или иное задание именно тех из нас, кто лучше всего для этого подходил.

Земному человеку все переходы покажутся одинаковыми, но с нашей точки зрения вариаций бесконечное множество. Они отличаются друг от друга, как отличаются личности людей. То, что для земного наблюдателя является концом жизни, для нас и для того, кого это непосредственно касается, это начало новой. Именно личность человека, с которым мы имеем дело, его знание или незнание духовных вопросов это то, чем мы руководствуемся при исполнении конкретного задания и в соответствии с чем организуем наши действия. С каждым «умершим» обращаются с учетом того, что ему необходимо. Поэтому при распределении заданий учитываются наши способности, опыт, темперамент и прочее. Темперамент у нас с Эдвином и Рут, несомненно, похожий, а наши способности и опыт расширились и углубились многолетней практикой.

Вы можете представить себе, что временами от нас требуется большое терпение, когда мы сталкиваемся с теми, кто упорно держится за свою веру и старые представления, не имеющие ничего общего с истиной, фактами и реальностью духовной жизни. И нам стоит больших усилий освободить сознание вновь прибывшего от всего, что сдерживает его и препятствует его духовному прозрению. Вы увидите, насколько важно выбрать правильные инструменты, наиболее подходящие для каждой конкретной ситуации, так что даже самый неудобный и трудный случай уже не представляется таковым.

В духовном мире ничего не делается кое-как, если использовать знакомое нам выражение, и в том, что инкарнированному может показаться преждевременным, для нас, выполняющих работу, заключена большая мудрость. Мы не жалеем усилий. У нас в распоряжении вечность, огромное терпение и поддержка множества людей, которые всегда к нашим услугам. У нас нет путаницы, нет ошибок, мы ничего не оставляем на волю случая. Поэтому наш руководитель отправляет нас с миссией на землю в полной уверенности, что сделал правильный выбор, а мы, в свою очередь, уверены в том, что задание нам по силам.

После нескольких вопросов и обмена любезностями наш друг перешел к делу. Это очень простой случай, сказал он, ничего необычного. Речь идет о переходе восемнадцатилетнего юноши. «Он молод, восприимчив, и я оставил этот случай для вас, потому что думаю, что он может оказаться вам полезен, когда привыкнет к обстановке. Вы не хотели бы взять его к себе домой? Это был бы неплохой план». Мы с готовностью согласились.

Затем мы задали нашему другу несколько вопросов, чтобы получить как можно больше информации. Судя по всему, земная жизнь юноши быстро близилась к концу, и у него не было никаких предрассудков по поводу жизни после смерти. Он получил обычное религиозное воспитание, но оно не произвело на него особого впечатления. В его отношениях с родителями можно было говорить скорее о терпимости, чем о сильной привязанности, которая могла бы создать трудности в эмоциональном плане. Родители сочтут раннюю «смерть» сына частью Божьей воли и покорятся ей.

Мы согласились с тем, что случай казался достаточно простым, и не сожалели об этом, потому что в последнее время у нас было много трудных переходов, и мы обрадовались более простому случаю.

Вам, без сомнения интересно знать, как нас направили к месту работы, к «смертному одру», если использовать более мрачное выражение. Сколько же печали и горести оно вызывает в воображении! Кажется, что все самые скорбные слова специально приберегли для этого простого действия – перехода из вашего мира в наш. Конечно, вам нет необходимости напоминать мне, что с точки зрения тех, кто прощается с близким человеком, это не время для веселья и радости. И все же, если бы люди знали истину, насколько все могло бы быть иначе, и все внешние траурные атрибуты, связанные с переходом могли бы быть навсегда отброшены. Разве это событие сейчас не кажется достаточно печальным, чтобы добавлять ему еще больше скорби? Однако, боюсь, я отступил от темы. Вернемся к нашему рассказу.

Нам назвали имя, но не адрес человека, о котором мы должны были позаботиться. В действительности вся эта процедура проста и представляет собой хороший пример того, о чем я только что говорил, касаясь относительной простоты нашей жизни в сравнении со сложностями вашей. Все должно иметь начало, скажете вы, кто-то где-то должен дать

знак кому-то, что чья-то жизнь закончится, скажем, через час или два по земному времени. Однако при существующем положении вещей вряд ли возможно, что земные люди отправят нам прямое сообщение о том, что близится смерть, и нужна наша помощь.

Моей целью на данный момент не является изучение сути дела, и, строго говоря, нас, выполняющих эту работу, не касаются детали ее организации, заканчивающейся нашим появлением у постели умирающего. Это часть практической работы, типичной для духовного мира. Однако можно сказать следующее: известие о предстоящем переходе и точном его месте является результатом отлично организованной передачи информации от одного к другому, начиная от такого важного персонажа как личный духовный проводник человека и заканчивая нами, выполняющими задачу сопровождения людей из земного мира в их дом в духовной сфере. Между первым и последним существует тесная мысленная связь, если можно так выразиться, и мысленный обмен информацией, точный и мгновенный.

Итак, мы с Рут сидели в центральном офисе напротив нашего друга, и все, что оставалось сделать, это получить координаты. Это произошло следующим образом: наш друг отправил сообщение – мысленное, разумеется – той душе, которая дежурила в месте «смерти», о том, что мы готовы приступить к своим обязанностям, когда это будет целесообразно. Ответ последовал мгновенно. Мы увидели вспышку света, направленную к нашему другу, и попали в сферу действия этого луча. Теперь мы были в непосредственном контакте с нашим другом, дежурившим «на другом конце», и, выражаясь очень ненаучным языком, должны были перенестись по этому мысленному лучу и оказаться там, где в нас нуждались. Как это происходит, я не имею ни малейшего понятия. Единственное, что можем сказать мы с Рут, это то, что мы делаем и как, но не то, как это происходит. А вы могли бы точно описать простыми словами – или вообще хоть как-нибудь – что вы делаете, когда думаете, и как это происходит? Попробуйте сами провести такой «простой» эксперимент, и тогда вы поймете, что я имею в виду.

Мы поблагодарили нашего руководителя за этот новый случай и, поняв его намек, что времени у нас мало, отправились в путь.

Мы оказались в спальне скромного дома, простого, с умеренным достатком в том, что касается владения земным имуществом. В комнате дежурила сиделка, и родственники тоже находились рядом. Было очевидно, что они ждали скорого конца, а появившийся доктор сообщил, что сделал все, что мог, чтобы облегчить состояние пациента.

Похоже, здесь недавно побывал священник и читались молитвы, произносимые в обычной для богословов непонятной манере и совершенно не соответствовавшие событию, которое должно было произойти. От них не было никакой пользы, кроме сомнительного утешения, которое они должны были дать присутствовавшим. Однако это было то, что мы с Рут могли легко исправить. И мы сделали это, попросив о притоке дополнительной энергии, чтобы усилить наши естественные ресурсы и возможности. И она тут же поступила, что можно было наблюдать по ярким лучам света, которые распространились вокруг нас. Было ясно видно, что через короткое время наш друг будет с нами. Поэтому мы начали небольшие приготовления. Рут встала у изголовья кровати рядом с головой юноши и, положив руки ему на лоб, начала нежно гладить его виски.

Мы никогда не уверены в том, что нашу помощь воспринимают или чувствуют, если только «пациент» не подает какой-нибудь знак, что это так. Но в этом случае было очевидно, что действия Рут произвели на него определенное впечатление, потому что

одновременно с тем, как она положила руки ему на голову, он поднял глаза вверх, словно стараясь понять, откуда пришло это приятное успокаивающее ощущение. Возможно, он действительно видел Рут, и если это было так, то тем лучше.

На нас обоих были копии нашей прежней земной одежды. На Рут было яркое летнее платье, которое выглядело обычно, естественно и очаровательно. Важно подчеркнуть, что мы всегда стремимся, насколько это возможно, выглядеть не как «небесные сущности» на тот случай, если наше присутствие заметят. Когда Эдвин пришел встретить меня после перехода, он был в своем обычном земном одеянии. Если бы он явился ко мне в своем духовном облачении, думаю, я был бы в ужасе, вообразив, что если самое страшное еще не наступило, то оно уже не за горами.

Я устроился в ногах кровати, направив взгляд на юношу, который подавал очевидные признаки того, что он меня видит. Я улыбнулся и ласково помахал ему рукой, чтобы его успокоить. Пока все складывалось очень благоприятно – дай Бог, чтобы и весь переход прошел так же спокойно.

Наконец, великий момент в жизни юноши наступил. Я придвинулся к середине кровати с противоположной стороны от Рут. Юноша впал в легкий сон. Когда это произошло, его эфирное тело поднялось над неподвижным физическим, с которым оно было связано блестящим серебряным шнуром – нитью жизни, как его называют. Я подвел руки снизу под эту парящую форму. Произошел мгновенный легкий рывок, нить отделилась и исчезла.

Для родственников мальчик «умер». Для нас с Рут он был живым и настоящим.

Я взял его на руки, как ребенка, а Рут положила руки ему на голову. Несколько легких движений, которые должны были помочь ему чувствовать себя спокойно и удобно – и мы были готовы к быстрому возвращению домой.

Во время транспортировки Рут держала юношу за руку, чтобы дать ему дополнительную силу и энергию, а я поддерживал его. Наше путешествие, как это всегда бывает в таких случаях, быстро завершилось. Мы покинули печальную комнату и оказались у себя дома в нашей прекрасной стране. Нежно и осторожно мы положили юношу на удобную тахту. Рут села рядом, а я устроился на стуле в ногах вновь прибывшего. «Ну, что, мой дорогой, - заметила Рут с видимым удовлетворением, - думаю, он действительно нам подходит».

Все, что нам оставалось, это ждать, когда он проснется, и в данном случае это было недолго.

Все наши простые, но очень эффективные приготовления уже были завершены. Тахта, на которой лежал юноша, стояла у открытого окна и располагалась таким образом, чтобы, не поворачивая головы, можно было увидеть великолепную панораму садов, а вдалеке, в просветах между деревьями, ясно и четко виднелись очертания прекрасного города. На стене перед глазами юноши висело зеркало, и слегка повернув взгляд, можно было увидеть отражение комфортной и уютной комнаты. Вдалеке слышались детские голоса, а птицы щебетали со своей обычной жизнерадостностью.

Такая приятная обстановка ожидала нашего друга, когда он проснется из своего короткого освежающего сна, и часто именно после пробуждения для нас начинается настоящая работа!

II. Пробуждение

Рут заговорила первой, когда наш друг открыл глаза.

«Ну, что, Роджер, - спросила она, - как ты себя чувствуешь?» (наш друг в офисе назвал нам только имя юноши, но нам этого было достаточно).

Роджер еще шире открыл глаза и повернулся к Рут: «Что это? Я видел вас – когда же это было? Совсем недавно... Кто вы?»

«Друг, который тебе помогает. Ты можешь звать меня Рут».

«А вы, сэр? Мне кажется, я припоминаю – вы сидели у моей кровати».

«Правильно, - ответил я, - через несколько мгновений твоя память еще больше прояснится».

Роджер попытался приподняться, но Рут мягким движением уложила его обратно на подушки. «А теперь, Роджер, - сказала она, - порядок такой: ты остаешься в постели и стараешься поменьше разговаривать»

Юноша уставился в окно.

«Красивый вид, не правда ли? – заметил я, указывая наружу. – Тебе удобно? Хорошо. Итак, ты хочешь знать, что все это значит. Ты представляешь себе, что произошло? Очень туманно. Но самое главное, ты хорошо себя чувствуешь. Страдания и боль ушли. Так?»

Роджер кивнул и улыбнулся, похоже, начиная что-то понимать. «Да, спасибо».

Парень был, явно не нервного десятка, и дольше скрывать от него истину, похоже, не было причин. Мы переглянулись с Рут, и она согласно кивнула.

«Роджер, мой милый мальчик, - начал я, - у меня для тебя хорошая новость. Ты совершенно прав, ты недавно видел нас с Рут. Мы были в твоей спальне у тебя дома, и ты был очень болен, так болен, что доктор не смог тебя спасти. Поэтому мы с Рут пришли, чтобы перенести тебя в другой мир, прекрасный мир. Ты понимаешь, о чем я?»

«Значит, я умер? Так?»

«Именно так, дружище. Тебя это не пугает?»

«Нет, не думаю, - он помедлил и добавил, - но я не ожидал ничего подобного».

«Верю тебе. Кто же ждет такого? Только очень немногие, те, кто знает, что с ними произойдет. Если честно, чего ты ждал?»

«Да, Бог его знает».

«Ангелов с большими крыльями и суровыми лицами, холодных и неприступных? Предположим, ты увидел бы что-то подобное, что бы ты подумал и почувствовал?»

Можешь не отвечать. Я сам отвечу за тебя. Ты бы подумал, что они явились отвести тебя к какому-нибудь ужасному судье Высшего Небесного Суда. И горе тебе, если ты плохо вел себя, парень».

Рут разразилась смехом, а Роджер, заметив мое выражение лица, правильно понял его и тоже засмеялся.

«Скажу тебе сразу, Роджер, здесь, в духовном мире, нет ни судей, ни одного главного судьи. Мы сами судим себя и прекрасно справляемся. Ты увидишь, что становишься очень критичным по отношению к самому себе так же, как и все мы. Мы можем быть очень суровы к себе. Поэтому, что бы ты ни думал о Дне Страшного Суда, выброси эти мысли из головы. Ничего подобного нет, не было и никогда не будет.

А теперь я думаю, тебе интересно узнать, что будет дальше, - продолжил я. – Ответ прост – ничего. По крайней мере пока ты не отдохнешь, а потом мы пойдем и немножко осмотримся. Как тебе такая мысль?»

«Отлично, но я хотел бы узнать одну вещь, - Роджер огляделся, - чей это дом, и кто вы? Я вижу, что вы священник, но я никогда не видел сутаны такого цвета».

«Что касается дома, то он мой, хотя, собственно, он наш, потому что Рут большую часть времени живет здесь, так же как и еще один мой друг священник, с которым ты познакомишься позже. Что касается одежды, то это копия моего земного облачения, которое я одел специально для тебя. У меня есть настоящее духовное одеяние, но, думаю, если бы мы с Рут явились к тебе в таком виде, то мы выглядели бы как те суровые и неприступные ангелы, о которых я только что говорил. И как бы мы ни старались улыбаться и придавать своему лицу приятное выражение, ты все равно бы испугался, Роджер. Так что посмотри на нас, какими мы были на земле, и взгляни на себя, каким ты был совсем недавно». Роджер опустил глаза и увидел, что на нем фланелевые брюки и коричневый жакет, а на ногах самые настоящие ботинки. Он потрогал материал, из которого они были сделаны, словно хотел убедиться, что они реальные. Он даже схватил себя за руку, чтобы удостовериться в том, что она осязаема. Затем он поставил одну ногу на пол и притопнул ей.

«Все совершенно осязаемо, да, Роджер?»

Рут достала из прикроватной тумбочки чашу с фруктами и предложила их юноше. «Ты увидишь, что они тоже настоящие, - сказала она с улыбкой. – Угощайся, бери, что тебе нравится. Они замечательные и пойдут тебе на пользу. Мы оставили их для этого случая».

Мы все взяли по фрукту, и мы с Рут подождали, чтобы посмотреть, как юноша с этим справится. Сначала он рассмотрел его поближе со всех сторон – это была слива – казалось, не зная, что с ней делать. Конечно, с такой чудесной сочной сливой, да еще выросшей в духовном мире, можно сделать только одно – съесть ее. Это мы с Рут и сделали, а Роджер внимательно наблюдал за нами, что произойдет. Он, без сомнения, ожидал, что сок брызнет нам на одежду. Его глаза расширились от удивления при виде того, как сок, стекая на нашу одежду, оставлял ее незапачканной. Это воодушевило его последовать нашему примеру, и он пришел в восторг от этого кажущегося волшебства.

«Здесь ничего не тратится впустую, - объяснила Рут. – Все нежелательное возвращается к своему источнику. Ничего не может быть уничтожено. Ты не сможешь разрушить ничего, как бы ни старался. Если тебе больше не нужна какая-то вещь, или ты не хочешь ее иметь, она просто исчезнет, растворится у тебя на глазах. Но она не погибнет. Она вернется к источнику, из которого возникла. Если мы не захотим больше иметь этот дом со всем, что в нем, он исчезнет, и ты ничего не увидишь, кроме земли, на которой он стоял. И то же самое происходит со всем остальным. Все вещи в духовном мире живые, у нас нет неодушевленных предметов. У нас здесь все устроено гораздо лучше, чем на земле, тебе так не показалось, хотя бы из того немногого, что ты уже увидел?»

Роджер поблагодарил Рут за объяснение. Он, казалось, стесняется говорить, хотя Рут тоже посоветовала не увлекаться разговорами. Тем не менее, подумав немного над словами Рут, он повернулся ко мне со смущенным выражением лица.

«Вы были епископом, или что-то в этом роде?» - спросил он.

«О, конечно, нет, - улыбнулся я. – Все совсем не так возвышенно. Ты судишь по моей одежде. На земле я был всего лишь священником. Многие из моих друзей продолжают называть меня монсеньор. Им это нравится, это никого не обижает, хотя на самом деле у нас нет таких титулов и знаков отличия. Если ты хочешь использовать это старое обращение, пожалуйста. Это не нарушает правил. Рут тоже всегда так говорит».

Здесь я считаю целесообразным вставить два замечания. То, о чем я рассказываю, это действительный случай, имевший место, и довольно типичный. Молодой человек, Роджер, также является действительным лицом, оказавшимся в духовном мире при тех обстоятельствах, которые я описываю. Есть люди, которые возразят, что все слишком обыденно и банально, чтобы заслуживать внимания, что это фривольно, неприлично и совершенно непозволительно в той части света, которая называется небесами, потому что на небесах все должно быть не таким банальным, а праведным и духовным.

Они могут выразить недовольство, заметив, что человек, совершивший «ужасный» переход от жизни к смерти и от смерти к вечной жизни – сверхъестественной жизни – будет думать о более серьезных вещах, а не обсуждать мелочи, которые, как я утверждаю, якобы, имели место.

Из моего большого опыта работы с людьми, совершившими переход, начиная со своего собственного, я знаю совершенно точно, что когда замирает последнее дыхание, и начинается жизнь в духовном мире, в этот важный момент не возникает ни малейшего желания мыслить теологическими понятиями и увлекаться разными религиозными банальностями.

Каждую душу, прибывающую в эту или другие сферы духовного мира и не имеющую понятия об этой жизни, волнует только один вопрос: Что дальше? Только это. Оказавшись в духовном мире, мы не становимся риториками, которые долго и красноречиво философствуют на темы высшего духовного содержания. И слава Богу, что это так. Мы нормальные, разумные люди, которые разумно говорят и действуют.

Предположим, что мы с Рут, взяв под опеку Роджера, приняли бы серьезный и мрачный вид, что бы произошло? Парень наверняка бы испугался, хотя, сказать по правде, никаких оснований для страха не было. И для чего все это нужно? Только для того, чтобы

выглядеть и действовать в соответствии с представлениями введенных в заблуждение земных людей?

А что произошло бы с Рут и со мной? Мы проявили бы себя совершенно непригодными для своей профессии, и нас немедленно уволили бы с позором. Но такое никогда бы не произошло, потому что нам никогда не доверили бы эту работу, если бы мы придерживались таких немыслимых представлений. Поэтому, друзья мои, в беседе с Роджером и с тысячами остальных, которых мы брали под свою опеку, мы оставались самими собой. В конце концов, это мир жизни, действия и истины, а не фальшивая, призрачная, ханжеская пародия на существование. Какое счастье, что это так! Мы предпочитаем свои небеса странным представлениям, бытующим кое-где на земле. Однако, вернемся к моему рассказу.

Роджер почувствовал желание встать – верный признак того, что к нему возвращаются силы и энергия. Плод оказал свое действие, как мы и предполагали. В таких вопросах ошибок не бывает. В то же время не следовало позволять ему увлечься испытанием своих сил, поэтому мы порекомендовали ему пока оставаться в постели. Роджер был – и, конечно, есть! – милейшим парнем, готовым согласиться со всеми нашими предложениями. В таких случаях, как этот, в первые минуты после прибытия новичка так много зависит от мелочей, простых вещей, которые имеют большое значение и действуют очень успокаивающе и ободряюще.

Долгий опыт научил нас тому, что очень часто самые мелкие, незначительные эпизоды могут успокоить вновь прибывшего гораздо лучше, чем сотни блистательных речей. Поэтому мы намеренно обращались к тому, что казалось банальным. Лучший пример этому – то, что происходило дальше с Роджером.

Юноша внезапно повернул взор к окну, привлеченный звуком хлопающих крыльев, и увидел маленькую птичку, залетевшую в комнату и усевшуюся на расстоянии фута от него. Роджер не двинулся, боясь шевельнуться, чтобы не спугнуть маленького посетителя. Рут позвала птичку, и она тотчас же подлетела к ней и села на протянутый палец. На ней был щеголеватый наряд из бледно-серых перышек. Роджер очень заинтересовался, когда Рут пересадила птичку к нему на руку.

«Он часто нас навещает, - сказал я, - и принадлежал двум моим старым земным друзьям».

«А что он здесь делает?» - спросил Роджер.

«Мои друзья нашли его, когда он птенцом попал в большую беду. Они заботились о нем, вырастили его, но с ним случилось несчастье. Возможно, он стал слишком смелым и немного переусердствовал, потому что у него произошел внезапный приступ, и он почти мгновенно умер. Очень жаль. Он был таким же, как ты, Роджер, его жизнь только началась. И так же, как ты, он перешел в эту прекрасную страну, где о нем сразу же позаботились так же, как мы пытаемся позаботиться о прибывающих к нам человеческих душах. Маленькая птичка, такая незначительная на земле, не погибла, и поступок моих друзей, также кажущийся незначительным, не пропал даром. Их любовь к этой крохотной частичке жизни сохранила эту жизнь на все времена. Сейчас он живет у нашего общего друга, у которого есть еще птицы и другие животные. У них счастливая семья, и мы тебя с ним – и с ними со всеми – познакомим. Тебе не кажется, что он очарователен?»

«Да, а что это за птица?»

«Когда он впервые появился у нас, он был более темного цвета, и не такой большой. Но он вырос и по цвету стал похож на голубя. Ты спросил, что это за птица? Обычный воробей».

Рут была в негодовании, что я назвал его обычным, и я вынужден был отказаться от своих слов – уже не в первый раз с тех пор, как прибыл в духовный мир!

Роджер все еще играл с птицей, когда Рут заметила двух посетителей, направлявшихся к нашему дому. Они неторопливо шли по саду, часто останавливаясь, чтобы рассмотреть цветы, которые в изобилии росли вокруг дома. Когда они подошли поближе, я узнал в них двух наших друзей, которые часто приходили навестить нас. Один, более высокий, был халдей, второй – египтянин.

Я сказал Роджеру, чтобы он ни в коем случае не вставал с постели, когда они войдут в комнату, потому что они знают, для чего здесь эта тахта – на ней отдыхали уже многие из вновь прибывших.

Мы с Рут подошли к двери, чтобы встретить наших гостей. Мы обменялись сердечными приветствиями. Халдея звали Омаром, под этим именем он и был всем известен. Это был человек яркой внешности, самым замечательным в которой были его волосы цвета воронова крыла, контрастировавшие с бледностью его лица. Он, без сомнения, был одним из самых веселых людей в этой стране и славился своим чувством юмора.

«Входи, Омар, и взгляни на нашего «пациента»». Наш гость ответил, что будет рад этому, и мы придвинули два стула ближе к тахте.

«Ну, что, сынок, как ты себя чувствуешь? Ты счастлив? Отдохнул?» Омар повернулся к нам: «Роджер спрашивает, кто я. Может, он хочет знать, чем я занимаюсь?»

«Видишь ли, Омар, ты первый человек, которого он увидел в духовном одеянии. Это так, Роджер?»

«Да, это немного странно. Ваша одежда, - он обратился к Омару, - так не похожа на одежду монсеньора».

«Она отличается от той, в которой он сейчас. Это потому что он не хотел тебя пугать. Но ведь ты меня не боишься, Роджер? У тебя нет причин, сынок, я вполне безобидный. И мои друзья – твои друзья – могут за меня поручиться. Может, ты подумал, что я ангел? Ну, что же, это лучше, чем когда тебя принимают за дьявола. Знаешь, Роджер, на земле много милых людей, которые меня так бы и назвали, да и тебя тоже, да и всех нас здесь. Тебе не кажется, что Рут выглядит как-то особенно по-сатанински? А вокруг монсеньора определенно чувствуется запах серы. Что ж, хорошо, что мы можем посмеяться над этим, хотя, обрати внимание - эти милые люди не допускают, что мы умеем шутить. Что касается меня, я несколько не чувствую себя святым, а монсеньор и вообще закоренелый грешник, ему до святости – целая миля».

Омар повернулся ко мне: «Мне нужно идти. Передавай привет моим друзьям на земле». Затем он взял за руку Роджера, подержал ее несколько мгновений и похлопал его по щеке: «Благослови тебя Господь, сынок, - произнес он, - отдыхай, а потом пусть твои

друзья покажут тебе всю красоту этой страны. Теперь это и твоя страна тоже. И, между нами говоря, мы очень ей гордимся».

III. Первые впечатления

Когда мы вернулись в дом после прощания с Омаром и его спутником, мы увидели, что Роджер встал с постели и стоит у окна. Мы помахали ему, а он помахал нам в ответ.

«Похоже, к нему полностью вернулись силы», - заметил я, обращаясь к Рут.

«Без сомнения».

«А я бы сказал, что визит Омара закончил его исцеление. Ты заметила, как он держал парня за руку? Я уверен, он заряжал его жизненной силой. Это похоже на Омара».

Не было сомнения, что в юноше произошла большая перемена – он стоял в дверях, излучая юношескую жизнерадостность. Не было заметно ни малейшего следа апатии, такой обычной в этих случаях.

«Ну, что, Роджер, - сказала Рут, - похоже, ты готов к действию».

«Да, я чувствую, что так, Рут. А сейчас, монсеньор, когда мой разум прояснился, я многое хочу узнать», - он взял нас за руки и крепко сжал их.

«Судя по твоему поведению, Омар определенно зарядил тебя силой», - заметил я. Роджер улыбнулся, и нам было приятно слышать его голос, потому что это как ничто другое говорило о том, что он снова был самим собой, и это облегчало нашу задачу познакомиться его с чудесами духовного мира – занятие, всегда доставляющее удовольствие, несмотря на то, что мы уже тысячу раз повторяли эту простую процедуру.

«Пойдем, дружище, начнем с крыши».

«С крыши? С какой стати нам лезть на крышу?»

«В твоей прежней жизни этот вопрос был бы уместен. Но я знаю, что говорю. Пойдем, и воздержись от комментариев, пока мы туда не заберемся. Итак, на крышу!»

Мы поднялись по ступенькам на верхний этаж. Здесь проходил коридор, примерно на середине его была небольшая ниша, из которой ступеньки вели вверх, к двери, выходящей на плоскую крышу. Здесь изумленному взгляду Роджера предстал великолепный вид, огромное пространство, уходящее вдаль.

«Взгляни, Роджер. Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное этому по красоте?»

Юноша несколько мгновений не мог произнести ни слова и только поворачивался, чтобы осмотреться. «Господи Всевышний», - наконец произнес он.

«Именно так, - заметила Рут, - эти два слова описывают все, что ты видишь. Если это вообще поддается описанию».

«А теперь, монсеньор, Рут, - мне все равно кто из вас – скажите мне, что все это такое? Кто все эти люди, например? И что они делают?»

По всему пространству было рассеяно множество людей, одни ближе, другие дальше, кто-то в маленьких группах, кто-то большими компаниями, кто-то сидел, кто-то прогуливался в одиночку.

«Все эти люди идут по своим делам, а может, у них и нет никаких дел. Посмотри на ту группу, сидящую под большим деревом. Мы не знаем, чем они занимаются, может, ведут приятную дружескую беседу, а кто-то из них, возможно, делает то же самое, что мы с Рут – знакомит остальных с духовным миром. Но чем бы все эти люди ни занимались, никто не скажет им, что они не должны этого делать.

Нигде, Роджер, ты не найдешь ни следа безделья, потому что никто, насколько я знаю – а мы с Рут исследовали разные места – никто не чувствует ни малейшего желания ничего не делать из лени. Здесь нет праздности. Мы все время чем-то заняты, но это не значит, что наша жизнь это вечная работа, в отличие от старых расхожих представлений о вечном покое. У нас у всех есть свободное время, и никто не придет и не скажет нам, что пора начинать работу, как это бывает на земле. У нас есть развлечения, которые соответствуют нашим потребностям и желаниям. Мы приходим и уходим, когда пожелаем. То, чем мы с Рут занимаемся сейчас на крыше, это приятная форма отдыха от нашей основной работы. Кому-то, кто не имеет об этом представления, может показаться, что мы тратим время впустую. Знаешь, Роджер, нас здесь миллионы, но перенаселения нет, как видишь, и хотя работы много, но много и людей, готовых ее выполнить».

«Все это ясно, монсеньор, но у меня возник вопрос, чем мог бы заниматься я».

«Не задавай таких вопросов, - вмешалась Рут. – Господи, ты же только что прибыл! Подожди, пока не пробудешь здесь столько же, сколько мы, и тогда поймешь, что ни к чему торопиться успеть что-то сделать».

«А сколько времени вы здесь, Рут?»

«О, скоро 40 лет».

«А вы, монсеньор?»

«Примерно столько же. У нас разница минут в десять. Как видишь, мы уже коренные жители».

«А Омар?»

Мы с Рут переглянулись и разразились смехом.

«Омар в духовном мире около двух тысяч лет. Я думаю, нам нужно взять назад свои слова о «коренных жителях»».

Юноше понравилась наша маленькая шутка, и это добавило ему уверенности и хорошего настроения.

«А теперь, Рут, покажи Роджеру достопримечательности».

«Ты видишь высокое здание, на которое спускается луч голубого света? Это дом отдыха для людей, только что прибывших сюда. Ты мог бы оказаться там. Там очень красиво, и за тобой хорошо бы присматривали, со всей любовью, которая только возможна».

«Тогда почему меня перенесли сюда?»

«Но ты же об этом не сожалеешь?»

«Нет, конечно же, нет».

«Предложение перенести тебя сюда исходит от человека, который посылает нас с заданием помочь людям, приходящим в этот мир. Он подумал, что это будет хорошая идея, и мы не ставим под сомнение его мудрость. Такое происходит уже не в первый раз. Многие люди впервые увидели духовный мир, очнувшись на этой кушетке. Это хорошо и для них и для нас».

Роджер указал на дома, скрытые за деревьями или стоявшие на более открытом пространстве. «Чьи это дома?» - спросил он.

«Они принадлежат здешним людям. Как только ты заслужил право иметь дом, ничто не может помешать тебе в этом. Условия обладания чем бы то ни было здесь одинаковые, это касается даже духовной одежды. Но это не значит, что ты будешь ходить голым, если по несчастью не заслужил права иметь одежду. Естественный закон здесь действует разумно».

Я вмешался в разговор: «Не каждый человек имеет здесь дом, Роджер. Некоторые люди не хотят себя этим утруждать, хотя слово «утруждать» здесь не совсем подходит. Ни один дом, ни большой, ни маленький, не может никого утруждать в земном смысле. Просто есть люди, которые не чувствуют необходимости в доме, и не имеют его. Все очень просто. Начнем с того, что здесь всегда светит солнце, никогда не бывает ветрено и холодно. Здесь постоянное, неизменное, мягкое тепло, которое ты чувствуешь сейчас. Нет природных стихий, от которых нам нужно защищаться на земле. А для уединения есть множество мест – ты можешь увидеть их отсюда – где можно побыть в одиночестве, когда пожелаешь».

«А что это за высокие здания вдалеке?» - спросил наш друг.

«Это различные дома учения в городе. Это, собственно, и есть город. Там можно найти все, что касается знания, и овладеть тысячами разных профессий. Ты можешь приобрести одну из множества технических специальностей, которые являются частью жизни духовного мира».

Мы показывали Роджеру множество разных вещей, объясняли, раскрывали причины, стараясь дать молодому человеку, только что покинувшему землю и ничего не знавшему об этой важной части вселенной, представление о духовном мире. Он видел раскинувшееся перед ним кажущееся безбрежным пространство, огромную загородную местность с яркой зеленью и изобилием красок, мягкими волнами уходящую к блестящей поверхности озера или реки, аккуратно разбитые сады, цветы, птиц, всю эту божественную природу под лазурно-голубым небом.

Я предложил спуститься вниз. Роджер восхищался аккуратностью и комфортом комнат, в которые мы заглядывали по пути, и когда мы добрались до уже известной ему комнаты на нижнем этаже, он начал разговор на тему, которая, как мы видели, его занимала.

«А где я буду жить, монсеньор?»

«Тебе не обязательно жить в каком-то определенном месте, Роджер, - ответил я. – Ты можешь жить, где хочешь, хотя, как я понимаю, своего дома у тебя нет. Ты можешь иметь его, если пожелаешь, но захочешь ли ты этого? Это будет похоже на жизнь в одиночестве, хотя у тебя всегда будет много посетителей. Ты не будешь одинок, один шаг за порог – и ты найдешь людей, которые развеют твоё одиночество. И все же мы с Рут знаем, о чем ты думаешь, и я хочу сделать тебе предложение, если оно совпадает с твоими представлениями в этом вопросе. Ты не хотел бы жить в этом доме вместе с нами? Ты видишь, каких он размеров – здесь много места. Не выходя из дома, ты можешь найти множество вещей, которые тебя заинтересуют. Оставайся здесь, сколько пожелаешь, и помни одно – мы всегда тебе рады.

Мы не можем с абсолютной точностью предвидеть будущее, и, как ты понимаешь, время не имеет для нас значения. Мы с Рут и Эдвин, с которым ты еще не встречался, занимаемся этой работой уже много лет, и, похоже, будем продолжать еще многие годы. Никто из нас еще от нее не устал. Но если мы и сменим работу, мы хотели бы, чтобы наш дом оставался здесь.

Еще один вопрос это духовный прогресс, Роджер. Если мы поднимемся выше, мы можем перейти в другие места. Но пока у нас нет необходимости над этим задумываться. Присоединяйся к нашей маленькой семье. Оставайся здесь. Для тебя это не проблема, ведь у тебя нет никакого «личного имущества».

Юноша начал благодарить нас, но мы его остановили. В словах не было необходимости, его мыслей было нам достаточно.

«Тогда вопрос решен, - подвела итог Рут, - а теперь, Роджер, скажи нам, что ты обо всем этом думаешь?»

Наш друг удобно устроился на стуле. Он выглядел очень смущенно. «Не могу понять одного, - начал он, - как все то, что вы мне показали, согласуется с религией? Меня мало чему научили, и я никогда не знал точно, чего мне ждать».

«Ты не первый, кто задает этот вопрос, Роджер. Миллионы людей делают то же самое, в том числе и мы с Рут. Мы были не в лучшем положении, чем ты. Происходит следующее – пока мы на земле, духовный мир считается «жизнью после смерти», «иным миром» и рассматривается большинством исключительно с религиозной точки зрения, кроме относительно немногих избранных. Я называю их избранными, потому что они владеют истиной, неполной, конечно, но достаточной, чтобы чувствовать себя совершенно спокойно. Земные религии присвоили себе право на эту жизнь, которое им никто не давал. Переход из земного в духовный мир это не вопрос религии, это совершенно естественный процесс, избежать которого невозможно. Праведная жизнь на земле это тоже не вопрос религии. С какой бы это стати? Ты видишь здесь что-нибудь подобное, Роджер? И кто осмелится сказать, что мы не живем здесь праведной жизнью?»

Возьмем все многочисленные религии на земле. Даже внутри христианства тысячи течений, и каждое считает себя особенным».

«Я где-то читал, что ни одна религия не владеет полной истиной, в каждой есть лишь ее частица, и если их объединить, то истина будет полной. Это так, монсеньор?»

«Да, я слышал об этой теории, но подумай, что она подразумевает. Во-первых, как ты собираешься заявить, что есть истина, и удовлетворится ли каждая из этих церквей маленьким ее фрагментом? Или ты попытаешься объединить все религиозные организации, чтобы прийти к полной истине? У тебя будет чертовски трудная работа отделять зерно от плевел».

Роджер рассмеялся.

«Ты можешь смеяться, Роджер, но так оно и будет».

«Сидеть на этом стуле, в этой комнате в духовном мире это совсем другое, нежели сидеть в воскресенье в церкви, как я иногда делал».

«Только иногда? – воскликнула Рут. – Какой грех для такого юного!»

«Я знаю, о чем ты думаешь, - продолжил я, - воскресное богослужение, священник, хор, проповедь, сбор денег – не забудь и об этом! Особенно проповеди, не имеющие никакого отношения к тому, что тебе теперь известно. И может ли быть иначе, если они исходят от обычного священника? И как может человек – пастор – учить других тому, о чем сам не имеет понятия? Это настоящая проблема – невежество, нехватка знания. Хотя это работа священника – знать то, чему он учит. Мне тоже следовало бы об этом знать, но, увы! Человек, занимавший на земле такое положение, как я, должен был бы быть в состоянии рассказать таким, как Рут и ты, все, что мы сейчас знаем. Возможностей узнать об этом было достаточно».

Как же все это скорбно и печально, когда начинаешь над эти задумываться. Мы живем в таком прекрасном мире, а на земле его скрывают от людей и покрывают мраком».

IV. Визит

Наша прогулка по загородной местности стала для Роджера открытием не только из-за ее красоты и очарования, но и из-за множества дружеских приветствий, которые мы слышали со всех сторон. Эти люди, которых Роджер считал нашими друзьями, были нам совершенно незнакомы, и мы объяснили ему, что если бы он был один, то с ним происходило бы то же самое.

«Мы не ждем формальных представлений, Роджер, - объяснила Рут, - они нам не нужны».

По дороге мы увидели многое, что пробудило любопытство и интерес нашего друга – о многом из этого я уже рассказывал вам ранее – пока не добрались до цели.

Это было большое жилище, расположенное среди прекрасных садов с цветочными клумбами, сверкающими прудами и множеством деревьев. Это был дом квадратной формы, с широкими окнами и центральным входом, не имевший, однако, никаких видимых архитектурных украшений. Судя по внешности, он объединял в себе две функции – дома

и места работы. Вряд ли стоит добавлять, что материал, из которого он был построен, был чисто духовного порядка, он был по-настоящему живой, великолепных оттенков, если сравнивать его с унылой серостью земных кирпича и раствора.

Роджер впервые увидел вблизи большое здание и не мог удержаться, чтобы не провести рукой по поверхности «камня».

«Он вполне настоящий, Роджер», - заметила Рут.

«Да, но он теплый, - ответил юноша, - по крайней мере, не холодный».

Мы дружно улыбнулись, потому что в восторге каждого новичка была какая-то новизна, несмотря на то, что мы испытывали одно и то же снова и снова.

К этому времени о нашем прибытии уже стало известно, и хозяин ждал нас у входной двери. Это был американский индеец красивой и выразительной внешности, высокий и величественный. Он тепло нас поприветствовал, и мы представили ему Роджера. Мы объяснили, что он недавно прибыл, что мы сопровождали его в эту сферу, а теперь приятно проводим время в качестве его экскурсоводов.

«И вы, - заметил с веселой улыбкой наш хозяин, - включили меня в число достопримечательностей».

Мы поспешили опровергнуть столь нелестные намерения, но чем больше мы запутывались в объяснениях, тем больше смеха это вызывало у нашего друга. Наконец Рут заметила, что нам лучше прекратить, потому что мы и так хватили лишнего.

Следует упомянуть, что наш друг достаточно хорошо знал наш родной язык для целей, связанных с его работой, и, передавая его слова, я опустил небольшие лингвистические неточности, которые так забавляли его друзей на земле и веселили самого их автора. Большая часть наших бесед проходила посредством мысли, и он проявил себя как эрудированный и культурный собеседник.

Как и большинство представителей своей расы, он сохранил свое образное имя, слегка адаптировав его к условиям духовного мира, и был известен в этой и в других сферах как Сияющее Крыло. Первая часть этого имени как раз и представляет собой ту адаптацию, которую я упомянул. Имя говорило само за себя, передавая свое значение через потоки света, исходившие от его головного убора.

Мои друзья на земле спрашивают, для чего носить такой головной убор с перьями в духовном мире. Ответ прост – все, что красиво, сохраняется, и если на земле есть что-то красивое, почему мы должны отказываться от него здесь? Мы не собираемся лишать себя этого удовольствия только потому, что земные люди могут этого не одобрить.

Сказать по правде, нам наплевать на то, что думают о нас земные люди, и мы не собираемся выполнять распоряжения этих невежд, да и вообще кого бы то ни было на земле!

Ни одного человека здесь не принуждают подчиняться тому, что он не одобряет. Он может поискать себе другую обстановку, если считает, что то, что есть, оскорбляет его

чувствительную натуру. И точно также он может подняться из мрака и уединения, если почувствует, в конце концов, что совершил ошибку. Именно это всегда и происходит.

Головной убор нашего хозяина был очень красив, в нем переплетались все цвета радуги в нежнейших оттенках. Перья, из которых он был сделан, не были взяты от птицы. Так как здесь нет мертвых птиц, то они могли быть взяты только от живой – а это было бы ужасно и отвратительно. Поэтому перья состояли полностью из духовной субстанции и были превращены умелыми руками в абсолютную копию оригинала. Следует добавить, что такой головной убор носят не постоянно, а в более официальных ситуациях.

Мы уже объяснили Роджеру, что основная работа Сияющего Крыла состояла в том, что он был целителем инкарнированных, и выполнял он ее с помощью земных средств. Кроме этого он был великим экспериментатором, всегда ищущим новые методы использования различных имеющихся у него ресурсов во всевозможных комбинациях.

Наш хозяин пригласил нас в дом, и, зная о том, что я собираю информацию, касающуюся нашей жизни в этом мире, предположил, что нас может заинтересовать то, что происходит в его «ведомстве».

Мы оказались в очень симпатичном доме, который, судя по всему, был и его рабочим местом, где он помимо непосредственно целительства, обучал этому искусству молодых людей, многие из которых, как он объяснил, были в возрасте Роджера.

Затем он повел нас в свою «лабораторию», где нам представили несколько молодых людей – студентов и стажеров, как он их называл. Это была просторная комната, одна стена которой была занята многочисленными флаконами, пузырьками и маленькими баночками, содержащими субстанцию разных цветов. Здесь было множество чертежей, изображавших различные части человеческого тела, а в другом конце комнаты были представлены полноцветные анатомические модели.

«Видите ли, - объяснил наш хозяин, - для нас очень важно знать все об анатомии человека и функциях его тела, а также о болезнях, от которых страдают земные люди, прежде чем мы начнем исцелять их. В этом смысле мы не отличаемся от земных докторов, хотя наши методы лечения совершенно другие. Мы используем материалы и энергии, которых нет у земных докторов. Они относятся исключительно к духовному миру.

Наши методы намного проще. Посмотрите, например, на эти стеклянные сосуды на полках. Они содержат различные мази, которые используются для лечения огромного числа недугов. Цвета, которые вы видите, не имеют большого значения в плане лечения. Они служат для того, чтобы различать мази, а значение цвета раскрывается, когда мы начинаем смешивать компоненты, потому что при этом цвет естественным образом изменяется, так же как художник изменяет цвет, смешивая краски. По оттенку смеси мы точно знаем, какое количество той или иной субстанции смешалось с другой. Таким образом, мы можем изменять смесь, добавляя или убавляя ту или иную субстанцию в соответствии с конкретным случаем заболевания.

Тем, кто разбирается в цветах, это смеси доставляют большую радость и удовольствие, потому что благодаря смешиванию мы создаем почти неограниченную палитру прекрасных оттенков.

Кроме изучения азбуки целительства мои друзья-студенты помогают мне создавать новые смеси, и таким образом мы можем изобрести новый целебный бальзам для наших земных друзей, который поможет от их недугов. То, что вы видите на полках, это всего лишь образцы духовной субстанции. Когда мы занимаемся конкретным случаем, где бы то ни было, мы заново смешиваем наши материалы. По опыту мы знаем, какой цвет или какую смесь использовать, поэтому в наших медикаментах всегда соблюдается правильное соотношение компонентов.

Это только один из наших методов лечения. Другой состоит в использовании луча света, и это то, что мы не можем хранить во флаконах и бутылочках на полках. Хотя мы можем показать вам, что происходит в этих случаях, - он повернулся к Роджеру. – Скажи, сынок, ты видел из дома монсеньора большое здание, по которому спускается луч голубого света? Видел. Этот луч оказывает успокаивающее действие на земных людей так же, как и на нас здесь. Давайте, я вам покажу. Подойдите ближе, друзья мои».

Мы встали вокруг нашего хозяина. Через мгновение мы заметили, как на нас спустился яркий луч голубого света, и мы сразу же почувствовали его успокаивающее действие, хотя у нас, конечно, не было в этом необходимости. Сияющее Крыло уменьшил луч, превратив его в маленький пучок, который он по очереди направлял нам на руки.

«Видите, мы можем направлять луч в любое место, изменяя его по желанию, от широкого потока излучения до маленького луча. Это зависит от проблемы, над которой мы работаем».

Мы заворожено наблюдали за тем, как он манипулировал светом, меняя его направление.

«А теперь еще один вид луча. Смотрите».

Голубой луч исчез, и вместо него появился красный.

«Это стимулирующий свет. Он поставляет энергию. Он не только восстанавливает пораженную часть после лечения, но и действует на все тело. Это сейчас очень нужно на земле. Нашим земным друзьям не стоит беспокоиться, что у нас его не хватит».

Красный луч принес ощущение тепла, и Роджер отметил это.

«Это так, сынок. Обычно при использовании красного луча нам требуется немного тепла, но у нас есть специальные тепловые лучи, чтобы работать только с теплом. Цвет служит скорее для того, чтобы различать их, хотя от него тоже есть польза. Но фактически, энергия скорее в самом луче, чем в его цвете.

Итак, я думаю, что теперь вы увидели все, кроме демонстрации нашей работы. Но, боюсь, что здесь мы вам этого показать не сможем. Я еще должен представить вам свою семью. Пройдемте в сад».

Наш хозяин открыл дверь, ведущую в сад, и мы вышли. Повернув налево, мы оказались в великолепном саду. Он был очень широким, по обе стороны его тянулись длинные стены. Наш друг объяснил, что они не для того, чтобы устанавливать его «территориальные права», а лишь для того, чтобы скрыть от любопытных взоров то, что происходит за ними.

Кроме того, они создавали великолепный фон для высоких растений и цветущих кустарников, которые росли рядом с ними.

На равном расстоянии друг от друга в стене располагались проходы с полукруглыми арками, создавая эффект античности. Везде было множество деревьев, стоявших во всем цвету, не знавших ветров, которые так уродуют деревья на земле, и демонстрировавших свою настоящую безукоризненную форму.

В самом центре этого рая ниже уровня земли находился пруд, окруженный вымощенной площадкой, к которому вели вниз широкие ступени.

Мы не видели никаких признаков семьи нашего друга, но в ответ на его зов по широкой дорожке, поросшей травой, к нам примчались два очаровательных создания – большая собака и пума.

Я еще не упомянул, что когда мы выходили из лаборатории, маленькая птичка, которую Роджер еще недавно держал в руках, пролетела по направлению к огромному дереву. Сейчас она появилась снова с вороном и попугаем.

Сияющее Крыло протянул руки и обе птицы уселись на них. Маленькая птичка вернулась к Роджеру.

«Ну, как вам моя семья? – спросил Сияющее Крыло. – Собака, ворон и попугай мои собственные. Хозяева маленькой птички - мои друзья, которые пока на земле, а эта очаровательная пума также принадлежит одному из них, кто является моим инструментом на земле».

Цвета оперения попугая ярко контрастировали с чернотой ворона и нежно-серыми перышками воробья.

Было видно, что Роджер немного побаивается пумы по земной памяти об этом животном, но наш хозяин успокоил его.

«Не бойся, сынок, - сказал он, - она не такая дикая, как раньше, и не желает никому зла»

Рут, нагнувшись, гладила пуму и играла с этим очаровательным созданием, кротким, как ягненок.

«Она не единственная здесь в своем роде, - продолжил наш хозяин, - но характер у них у всех одинаковый – безобидный и кроткий. Видите ли, в этом мире отсутствуют два основных земных фактора – потребность в пище, которая заставляет их охотиться на других, и страх перед себе подобными и перед человеком. Устраните их – и вот результат. Эти животные для нас – большая радость, и друг для друга тоже. Попробуй сам, сынок».

Роджер нагнулся рядом с Рут, его опасения сразу рассеялись, и он погладил густую шерсть пумы.

«Она сумасбродка, - сказал Сияющее Крыло, - и все время держит всех в напряжении. Смотрите, что она будет творить с воробьем».

Роджер поднял руку, воробей взлетел в воздух, невысоко, но так, чтобы пума не могла его достать, и начал летать туда-сюда в несколько беспорядочной манере, без какого-то определенного направления. Пума тотчас же начала охоту, а воробей летал зигзагами, чтобы его подружка на земле попыталась его догнать. Ее акробатические трюки вызывали у нас смех, и мы были в восторге от ловкости этого проворного существа. Она сделала несколько изумительных прыжков в полной уверенности, что схватит своего маленького друга за крыло, но каждый раз они заканчивались неудачей, потому что птичка взлетала на несколько дюймов вверх, то вправо, то влево.

«А что произошло бы, - спросил Роджер, - если бы пума поймала ее?»

«Ничего, - ответил Сияющее Крыло с улыбкой. – Ничего плохого не произошло бы, даже если бы они и не были лучшими друзьями, которыми они, без сомнения, являются. Здесь нет врагов».

Игра, однако, быстро закончилась. Птичка опустилась на пуму и села ей на голову, а та вернулась к нам и свернулась калачиком на траве, явно довольная представлением.

Сияющее Крыло повернулся к Роджеру: «Теперь ты знаешь, где я живу, сынок. Ты можешь навестить нас, когда пожелаешь. Мои ребята и я сам всегда будем тебе рады. А если хочешь, можешь гулять в моем саду, и развлекаться с моей семьей. Ты не всегда найдешь здесь всех их, потому что эти двое – он слегка поднял руки с сидящими на них птицами – и собака бывают со мной во время моих миссий на землю. Но маленькая птичка и пума большей частью где-то поблизости и всегда готовы к игре».

Роджер был очень рад приглашению и тепло поблагодарил своего друга. Мы с Рут также выразили ему благодарность за то, что он уделил нашему подопечному столько времени.

V. Духовная беседа

Когда мы прогуливались после общения с Сияющим Крылом, было видно, что Роджер погружен в размышления, наверняка думая над тем, что увидел в доме и в саду нашего друга.

Наконец он заговорил: «Меня удивляет то, что миру обо всем этом неизвестно. Каким образом все это происходит, и никто об этом ничего не знает – не понимаю».

«Под миром ты подразумеваешь землю, Роджер? Нет. Не все так уж неизвестно земным людям. Некоторые знают об этом, но по сравнению с миллионами остальных, их очень мало»

«И как они узнали об этом?»

«Им рассказали, дружище Роджер. Это мы рассказали им об этом. Я не имею в виду Рут и себя, хотя мы тоже вносим в это дело свой крошечный вклад. Мы рассказывали им об этом в течение многих лет. Земля никогда не была брошена на произвол судьбы, всегда были те, кто говорил об этом. В последнее время поток откровений вырос, однако вспомни о том, что самая большая церковная организация на земле уже давно постановила, что со смертью последнего апостола все откровения закончились. С тех пор – полная тишина. Как ты думаешь, из того, что ты видел, это вероятно?»

«Нет, не думаю».

«И все же это так. Считается, что знание или попытка узнать что-нибудь о потустороннем мире противоречит Святому Писанию. Это тупик. Считается, что мы не должны знать об этом. А если бы мы должны были знать, то нам бы рассказали – так говорят эти люди. И все же им об этом рассказывали - в той самой книге, которая, как говорят, направлена против этого знания. Странно – не правда ли? Они читали ее слишком ханжески, они не поняли, что она просто полна знания о психических явлениях разного рода. Они буквально проглатывали целые отчеты о них, но то, что эти феномены продолжают происходить и по сей день, об этом они ничего не хотят знать. То, что было верно тогда, должно быть верно и сейчас, и это так и есть. Но официально царит молчание».

«Вы думаете, в интересах религии было бы узнать или хотя бы попытаться узнать об этом?»

«На земле положение такое, Роджер. Из двух основных церквей одна решительно и догматично заявляет, что глупец тот, кто отрицает существование психических явлений, и тут же настаивает на том, что они могут исходить только от дьявола и его приспешников. Это то, что имел в виду Омар, когда говорил о том, что на земле есть милые люди, которые назвали бы его и всех нас дьяволами. Разве все эта идея не абсурдна?»

«Конечно, но неужели с этим ничего нельзя сделать?»

Мы с Рут улыбнулись решительности нашего юного друга.

«Роджер, дорогой, - начала Рут, - твои эмоции делают тебе честь. Мы знаем, что ты чувствуешь. Мы с монсеньором сами прошли через это. Нам хотелось схватить людей за их дурные головы и постучать друг о друга, чтобы вбить в них немного здравого смысла. Но были ограничены в своих действиях более мудрым разумом, чем наш».

«А теперь, - продолжил я, - позволь рассказать тебе, что происходит со второй церковью, о которой я упомянул. Она провела исследование вопроса общения с потусторонним миром по распоряжению самого архиепископа – не больше и не меньше. Проблему основательно изучили, все тщательно взвесили и составили отчет о полученных данных. Большинство выступило «за» и заявило, что общение действительно имеет место. Великолепно! А теперь, Роджер, если ты любишь шутки – а мы знаем, что любишь – готовься посмеяться – отчет был официально запрещен. Странно, не правда ли, что люди не хотят знать о нас и о нашей жизни. Конечно, нашлись такие, которые сказали, что если бы отчет был направлен против этих явлений, то он был бы опубликован и встречен на «ура». Но я еще не сказал тебе, чем закончилась вся эта история. Архиепископ, который назначил расследование, а затем запретил отчет, уже перешел в этот мир.

Очень трудно, Роджер, пытаться исправить то, что ты хотел бы, чтобы ты никогда не делал. Я сочувствую этому доброму прелату, потому что я сам оставил на земле то, чего бы я лучше не делал. Мне очень повезло, и я смог все исправить. Не до конца, конечно, как ты понимаешь, но достаточно для того, чтобы это больше не имело значения. И там, где я с энтузиазмом утверждал что-то на земле, здесь я говорил с двойным энтузиазмом, чтобы все исправить. Сейчас я чувствую большое спокойствие и удовлетворенность, которых раньше не было. Когда мы вернемся домой, я покажу тебе книгу, которая явилась источником моих земных проблем много лет назад. Жуткий вздор!»

Рут улыбнулась: «Не горячись, дорогой, на земле есть вещи похуже твоей книги, и гораздо более глупые».

«Обе церкви проявляют специфический интерес – религиозный, конечно, - к этому миру, не представляя себе точно, что ждет нас после смерти, - продолжил я. – Естественно, они признают потусторонний мир, но не могут предположить на этот счет ничего, что не заключало бы в себе религиозного смысла. Подразумевается, что только земной мир действительно материальный, а в потустороннем все проходит в некоем духовном контексте. Вся атмосфера должна быть набожной и непохожей на ту, к которой человек привык на земле. В последнем они правы: эта жизнь совершенно не похожа на земную, но не в том смысле, в котором они думают.

А чем все это закончится? Найдут ли церкви, в конце концов, истину? Это большой вопрос. При их нынешнем устройстве они ничего не смогут сделать. Их полностью устраивает такое положение. Первая из них, о которой я говорил, заявляет, что является единственной истинной и непогрешимой церковью. На нее мало надежды. Вторая церковь не имеет влияния. Ее члены могут в широких пределах – очень широких пределах – думать и верить в то, во что они хотят верить. Влияние епископов на духовенство в вопросах веры очень незначительно или вообще отсутствует. Некоторые священники искренне поддерживают идею духовного мира, потому что имеют знание о нем, полученное непосредственно от нас. Но даже если эта церковь выступит официально в нашу защиту, это отнюдь не значит, что духовенство и миряне ее поддержат. Некоторые обладают знанием, но одновременно поддерживают церковь со всеми ее странными доктринами. Они пытаются усидеть на двух стульях. Но когда они окажутся здесь, им, в конце концов, придется выбрать один стул.

Видишь, Роджер, сколько проблем возникает, когда речь заходит об официальном признании жизни в духовном мире. Именно поэтому истина – в руках простых людей. Видишь, в какую лекцию вылился твой вопрос».

Рут предложила присесть ненадолго. Мы нашли местечко под деревом на небольшом холме, откуда мы могли видеть сверкающую водную гладь.

«Разве не жаль, Роджер, - сказала Рут, - что миллионы людей на земле ничего не знают об этом прекрасном мире? И разве это не возмутительно, что их официально предостерегают от этого знания, выдвигая глупые, дурацкие причины? Что плохого в том, чтобы знать правду о нас и нашей жизни? Можно подумать, что мы какие-то изгои, не от мира сего, с которыми лучше не иметь дел! Меня это просто бесит!»

«А теперь ты не горячись, дорогая, - заметил я. – Полнейшее невежество это не новость. Так было веками. Это продолжалось слишком долго, поэтому люди начали мыслить односторонне – большей частью в религиозном направлении. Знаешь, Роджер, неудивительно, что сотни людей, прибывая сюда и открывая истину, хотят вернуться на землю и во весь голос кричать о правде, чтобы их близкие, в конце концов, об этом узнали. Некоторым удастся вернуться, но результаты неутешительные – для обеих сторон. Их голос не слышат, то есть не слышат там, где им хотелось бы.

Возьми себя, Роджер. Мы с Рут могли бы отвести тебя в какое-нибудь место на земле, где мы могли бы дать о себе знать старым друзьям. Мы могли бы представить тебя им и попросить их передать от тебя весть твоим близким. Отлично. Что произойдет дальше?

Не забывай о том, что твои близкие совершенно незнакомы с нашими друзьями и они, предположительно, ничего не знают о возможности общения между двумя мирами. А если и знают, то не верят в это. Как ты думаешь, что произойдет, когда наши друзья явятся к твоим родителям и скажут, что у них весть от Роджера? Тебе лучше знать, потому что ты их знаешь. Ну, для интереса, Роджер, что произойдет?»

Юноша минуту подумал: «Они будут вежливы, но суровы. Может, они подумают, что у ваших друзей странности, если они не совсем спятили».

«Они не выглядят чужаками, Роджер, так что этого про них не скажешь. Сумасшедшие – что же, может быть, хотя признаков помешательства у них тоже нет. Что дальше?»

«Они подумают, что это ужасно дурной тон»

«С этим трудно поспорить. Действительно, это дурной тон вторгаться к людям, когда они в таком горе. Что потом?»

«Я думаю, вашим друзьям укажут на дверь. После этого они обсудят случившееся между собой и отправятся к своему викарию. Тот их внимательно выслушает и скажет, что он слышал о таких вещах, но их лучше не касаться»

«Вот так-то, Роджер, старая история. Мы повторяем и будем повторять ее людям, которые тысячами прибывают сюда и хотят вернуться на землю, чтобы рассказать о себе.

Главная проблема церковей в том, что они не могут привести истину об этом мире в соответствие со своей теологией. Они не понимают, что берутся за дело не с того конца. Они должны привести теологию в соответствие с истиной, а это означает полный отказ от всего, что этой теологии противоречит. А сейчас они предпочитают намеки на суть самой этой сути, они отдают предпочтение своим символам веры, доктринам и догматам. Они не реалисты и далеки от этого.

Давай поставим вопрос прямо. Вот мы трое, которые когда-то жили на земле. Мы умерли, а теперь сидим в духовном мире на мягкой траве под этим прекрасным деревом, вокруг нас на многие мили раскинулась красивая местность. Все это совершенно реальное и настоящее. Это не «духовное переживание» в религиозном смысле, это обычное повседневное явление. Все мы трое находимся здесь, потому что это духовное наследие человечества. И мы получили право быть здесь не благодаря тому, во что мы верили на земле, и не благодаря заслугам церкви, к которой мы принадлежали. Рут расскажет тебе, что вообще перестала ходить в церковь. И, тем не менее, она здесь, с нами, и она расскажет тебе, что считалась безбожницей в глазах церкви. А другая церковь назвала бы ее еретичкой и раскольницей и осудила бы на наказание в каком-нибудь ужасном месте за ее грехи.

Что касается меня, я был пастором и должен был знать обо всем этом, но я не знал. Ты, Роджер, еще очень молод, но я думаю, ты не стал бы одним из оплотов своей церкви. Между нами говоря, с богословской точки зрения, вас двоих здесь не должно было бы быть, если это место предназначено для таких, как я. Если моя теология, мои доктрины и догматы, которые я так тщательно соблюдал и проповедовал, привели меня в эту часть духовного мира, тогда вам двоим здесь делать нечего. Ни один из вас, с теологической точки зрения, не подходит для того, чтобы составить мне компанию, потому что ты, Рут, по твоему собственному ужасному признанию, под конец жизни совсем не ходила в

церковь, а ты, Роджер, относился к ней равнодушно. Мне очень трудно судить, кто из вас двоих больший грешник. Вы оба довольно скверные, и, похоже, мне не место в вашей компании, а вам не место в моей. Но факты – упрямая вещь – вы здесь, и я с вами.

И какой из этого вывод? Только один – со всей этой теологией что-то не так. Она не соответствует фактам.

Пойдем дальше. Когда ты был на земле, Роджер, в повседневной жизни ты всегда действовал в религиозных рамках? Вопрос звучит глупо, но все-таки?»

«Нет, монсеньор, точно нет».

«Конечно, и не один рационально устроенный человек не будет этого делать. Можно иметь хорошие, добрые мысли, совершать добрые поступки, но это не значит все время вести себя что называется «благочестиво» и быть ханжой. Ты чувствуешь, что сейчас что-то изменилось?»

«Ничуть».

«Значит, если бы сейчас был выпущен бюллетень, сообщение звучало бы следующим образом:

Никаких изменений в состоянии Роджера не отмечается, кроме того, что он находится в наилучшем здравии. У него прекрасное настроение (так же, как и у тех, кто рядом с ним), и в данный момент он, судя по выражению его лица, наслаждается жизнью. Он рад сообщить всем теологам, что совершенно не ощущает себя святым и благодарен за то, что чувствует себя тем, кто он есть, и никем другим.

Ты подписался бы под таким заявлением, друг мой?»

«Конечно, монсеньор, и я никогда не махнулся бы всем этим на мою земную жизнь».

«Не променял, Роджер, не променял. «Махнуться» это слово, которое развоплощенная личность никогда не употребляет. От тебя ждут безупречного языка, свободного от сленга и вульгаризмов, и все, что ты говоришь, должно быть мудрым и весомым. Именно такими нас представляет себе большинство земных людей, тех, кто не имеет о нас понятия. Но суть в том, что здесь ты не найдешь явных признаков набожности, святости или религиозности, а мы сами не цитируем бесконечно Святое Писание и другие духовные трактаты, а ведем себя совершенно естественно.

Одним словом, мы живем не в религиозном учреждении и не в религиозной атмосфере, а в нормальном, разумном мире, мире несравненной красоты, где мы можем работать и отдыхать, как пожелаем, смеяться в свое удовольствие, и более того, и это самое главное - мы можем чувствовать себя самими собой, а не теми, за кого нас ошибочно принимают на земле.

Не странно ли, что когда у меня в распоряжении было столько кафедр, чтобы проповедовать, мне было нечего сказать, а теперь, когда мне есть, что сказать, у меня нет кафедр».

VI. Передвижение в духовном мире

Мы неторопливо прогуливались, когда Роджер вдруг повернулся ко мне. «Здесь можно передвигаться только пешком? - спросил он. Я не вижу проезжих дорог, а эта равнина, кажется, тянется на мили».

«Да, на мили, - ответил я, - на тысячи миль. Ты имел в виду, Роджер, есть ли здесь транспорт, и если есть, то какой? Ответ в том, что наше средство передвижения находится в каждом из нас, и оно самое эффективное и быстрое во вселенной. Оно дополняет возможность перемещения пешком. До сих пор мы полагались на собственные ноги, но настало время показать тебе, на что мы действительно способны».

Передвижение происходит с помощью мысли, и это совершенно просто после того, как тебя научат. Потом это становится твоей второй натурой. Возможно, это звучит противоречиво, но перемещение с помощью мысли не требует мысленных усилий, если ты привык к этому. Ты помнишь, как ты учился ходить, Роджер?»

«Нет, пожалуй, нет».

«Я думаю, мало кто помнит об этом. Но однажды наступил момент, когда ты мог держаться прямо и не падать. С того времени ты прошел много земных миль и уже некоторое расстояние здесь. Ты когда-нибудь над этим задумывался?»

Предположим, ты сидишь на стуле и хочешь встать и пройти по комнате. Ты просто встаешь и идешь, не задумываясь над тем, что должен контролировать мышцы, позволяющие твоим ногам двигаться. Ты делаешь это, не задумываясь, хотя какая-то мысль все же где-то есть, иначе ты остался бы на месте. На что направлена твоя мысль? На то, что ты должен идти или встать, или пройти по комнате, неважно. Главное, у тебя есть желание пройти по комнате. А другой конец этой комнаты – твоя цель. Это единственное, что нужно учитывать здесь, используя мысленный процесс для перемещения в пространстве.

Вначале тебе придется предпринять сознательное усилие – подумать об этом. Однако немного практики, и ты обнаружишь, что ты оказываешься в нужном месте, не успев об этом подумать. Звучит, как фантастика, тебе не кажется?»

«Немного да».

«Это то, над чем земные люди любят посмеяться. Отличная шутка, вызывает взрывы хохота. Пусть же эти люди возьмут Библию и изучат ее повнимательней, и тогда они увидят, что их шутки подтверждают то, о чем они в ней прочитают».

Многое в нашем образе жизни это предмет постоянных насмешек инкарнированных, Роджер. Принимая землю за образец всего, в том числе и жизни, они не могут представить себе ничего лучшего или хотя бы отличного от нее. Конечно, они считают небеса идеальным местом, но что подразумевается под идеалом, они не знают и не могут себе представить. Я совершенно серьезно попросил бы этих людей не относиться с таким пренебрежением к духовному миру и нашему образу жизни до тех пор, пока они не готовы предложить что-то лучшее. Если есть какая-то деталь, фактор или закон, вызывающие у них возражения, пусть предложат лучшее, более разумное, и все мы здесь, в духовном

мире, с удовольствием послушаем и позаботимся о том, чтобы эти предложения дошли по адресу.

Конечно, нам не стоит чересчур волноваться за этих людей. Если им здесь что-то не нравится, то когда они окажутся здесь, у них будет право удалиться, уйти в другое место и оставить нас наслаждаться нашей жизнью, а они могут отправиться куда-нибудь, где создадут свой собственный унылый вакуум и будут жить в нем».

В глазах моих друзей появился такой озорной огонек, что я рассмеялся.

«Знаешь, Роджер, - сказала Рут, - монсеньор очень силен в таких вещах. Он завоевывал внимание общественности, будучи пастором, и здесь делает то же самое, только совершенно по-другому. Он знает, как трудно добиться того, чтобы люди отказались от старых и ложных взглядов и обратились к истине, и это очень его волнует. Возможно, это расплата, если можно так выразиться, за контакты с землей. У меня контакт не такой тесный. Я посещаю земной мир время от времени вместе с монсеньором, только чтобы посмотреть, что там происходит и передать привет друзьям.

Мысли очень реальны, Роджер, - продолжала она, - они могут достигнуть нас с земли так же легко и верно, как наши мысли здесь достигают друг друга. А наши могут дойти до земных людей, хотя они не отдают себе в этом отчет».

«Возможно, это объясняет мои ощущения. Я не знаю, как это описать, но меня словно что-то тянет, если вы понимаете, о чем я, какое-то побуждение пойти – сам не знаю, куда. Ох, это все так неопределенно. Я как-то странно себя чувствую. Я не болен, но мне беспокойно».

«Бедняга Роджер, - произнесла Рут, - я думаю, мы можем без труда поставить тебе диагноз. Причина в твоих друзьях или родных, а, может, и тех и других вместе, посылающих тебе грустные мысли. Это естественно, что они печалются о тебе, но их печаль неглубока, иначе ты почувствовал бы ее гораздо острее, и это было бы мучительно. Я сомневаюсь, что это чувство будет становиться сильнее, но если такое все же произойдет, скажи нам, Роджер, и мы поможем тебе рассеять его. Ты сам лично ни о чем не сожалешь?»

«Нет, Рут, спасибо».

«Хорошо, это упрощает дело».

«Мне кажется, мы немного ушли в сторону от вопроса Роджера. Ты помнишь, Рут, сразу по прибытии сюда мы обсуждали причудливые представления об ангелоподобных существах с крыльями? Странная мысль, не правда ли, Роджер? Единственное объяснение, которое приходит в голову, это то, что раньше люди, особенно художники, задавались вопросом, как передвигаются эти ангелоподобные существа. Перемещение с помощью ног казалось слишком земным. Но если исключить ноги, то что остается? Ничего, насколько я понимаю. И вот тут-то художникам и пришла в голову мысль.

Ангелы должны как-то передвигаться, они не могут быть вечно прикованы к одному месту. Это, пожалуй, и навело какого-то гения на мысль об огромных крыльях у обитателей духовного мира. Я думаю, у Сатаны они тоже были, потому что ему необходимо быть

очень мобильным, чтобы быстро и легко находить и губить души, как говорится в одной славной молитве.

Ты можешь представить себе что-либо более громоздкое и неуклюжее, чем пара огромных крыльев, закрепленных у тебя где-то в области лопаток? Я не могу».

«Я могу себе представить, что стая ангелов, пролетая, поднимает ужасный ветер».

«Роджер, я боюсь, ты в высшей степени непочтителен, называя большую группу ангелов стаей».

«А как тогда это назвать?»

«Я не знаю. Трудно подобрать слова для того, что не существует, разве что, может быть, в поэтическом смысле. Но ты прав в том, что большая компания ангелов – это звучит лучше, чем стая – создает помехи в атмосфере. Об этом художники не подумали. Удивительно, как эта идея укоренилась и сохранилась до наших дней. Обычный способ изображения существа из этого мира – а нас все еще не считают людьми, а только полулюдьми – с двумя большими крыльями. Даже в символическом смысле это неудачная идея. В качестве индивидуального средства передвижения крылья бесполезны, а мы сами с точки зрения анатомии выглядели бы уродами. Мы явно не созданы для того, чтобы иметь такой аппарат, несмотря на то, что в духовном мире много чудес.

Ангелы со своими фантастическими крыльями это одно из самых вопиюще неправильных представлений об истинном положении вещей в духовном мире. И неудивительно, что, в конце концов, после всех этих фальсификаций на нас на земле смотрят как на полулюдей. Чем выше мы поднимаемся в духовном развитии, тем более мрачными и тем менее похожими на людей мы им представляемся. Кто-нибудь из вас видел, особенно на кладбище, изображение ангела или его скульптуру с улыбкой на лице? Улыбка кажется недостаточно божественной. Ну, разве это не ужасно? Скажи, Роджер, а ты рад, что здесь все так, как есть, а не так, как думают некоторые люди?»

«Очень», - согласился юноша.

«Тогда аминь!» – воскликнула Рут.

«В противном случае нам бы пришлось расширить дверные проемы, чтобы в них проходили наши крылья. В данном случае, Роджер, истина лучше вымысла, и она в том, что самый лучший и быстрый способ перемещения в этом мире это мысленный процесс. А теперь я предлагаю тебе попробовать».

«Что мне нужно делать?»

«Просто немного подумать. Тебе не следует волноваться. Всем рано или поздно приходится пробовать. Мы с Рут были очень довольны результатом, когда нам это удалось в первый раз. И с тобой будет то же самое».

Мы сидели на траве, и я предложил Роджеру пожелать оказаться под деревом в четверти мили от нас.

«Тебе не нужно прилагать слишком больших усилий, старина. Просто подумай о том, что хочешь оказаться вон под тем деревом или где-нибудь еще. Я предлагаю дерево, потому что оно недалеко, и ты нас оттуда легко увидишь. Благополучное отправление - считай, половина пути. Мы с Рут отправим вместе с тобой свои мысли. А теперь, давай».

Конечно же, он сразу исчез из виду, как мы и ожидали, и мы увидели его вдалеке под деревом, откуда он помахал нам рукой. Мы помахали ему в ответ и через мгновение присоединились к нему.

«Ну, как, понравилось, Роджер?», - спросила Рут.

Юноша улыбнулся: «Нет ничего приятнее – секунду назад я был там, и вот уже здесь. Это чудесно. Какое удивительное ощущение свободы! Хотел бы я попробовать такое на земле. Боже мой, мою мать это напугало бы до смерти»

«На земле это и возможно и невозможно. Там это коренным образом изменило бы жизнь. Здесь это часть жизни, так было и так будет всегда».

«Мне тут пришла в голову одна вещь, - сказал Роджер. - Я могу заблудиться? Я имею в виду, если я вдруг потеряю контакт с вами или Рут, что будет?»

«Ты имеешь в виду, - ответил я, - что мы с Рут отведем тебя в какое-нибудь место, а затем исчезнем, предоставив тебя самому себе?»

«Да, именно это».

«Вот тогда ты сам и решишь эту проблему. Однако не волнуйся. Мы не собираемся бросать тебя на произвол судьбы».

А теперь о том, что может произойти. Предположим, ты не сможешь вызвать в мыслях воспоминание о нашем доме – а это связующее звено между всеми нами. Если дело действительно дойдет до этого, тебе нужно будет сосредоточить свои мысли на Рут или на мне, и ты сразу увидишь и почувствуешь ответ, и тогда, где бы мы ни были, ты можешь оказаться рядом с нами. Я говорю «можешь», потому что это не значит, что окажешься, потому что мы можем помешать этому или отправить кого-нибудь, чтобы он не позволил тебе сделать этого. Видишь ли, дружище, мы с Рут проникаем в некоторые неприятные уголки духовного мира, о которых мы тебе еще не рассказывали, и тебе там делать нечего.

Где бы мы с Рут ни находились, мы все время будем поддерживать с тобой мысленный контакт. Конечно, ты не забыл наш дом, его расположение и окружение, поэтому проблемы не возникнет. Но все же, если ты забудешь, то есть еще дом Сияющего Крыла и его очаровательной семьи. Ты наверняка сможешь вспомнить все, что ты там видел, это будет твое убежище на случай провала в памяти, и он о тебе позаботится.

Нужно учесть еще одну вещь, о которой мы отдельно не упоминали. Это то, что провалы в памяти здесь невозможны. Это полностью и окончательно решает твои проблемы. Ты ведь не забыл наш дом и все, что к нему относится?»

«Нет, конечно, я все себе очень ясно представляю».

«Совершенно верно, и так все и останется. Ты ничего не сможешь забыть, потому что твоя память никогда тебе не изменит. Я знаю, что сразу начинаешь воображать себе какие-то проблемы и затруднения, но они не имеют под собой основания. Например, заблудиться здесь невозможно, забыть что-то тоже невозможно.

Когда ты говорил о транспорте, Роджер, ты, несомненно, подразумевал обычные земные средства передвижения – поезда, автобусы, автомобили и т. д. Как видишь, для передвижения в этой сфере они нам не нужны».

«Понятно, но если, например, вы хотите переехать, то как вы перевезете все имущество?»

«Что же, с этим не возникнет затруднений. Мы здесь, конечно, не богатыри, Роджер, но у нас есть сила, и мы используем ее, когда это необходимо. Например, мы можем без всякого труда передвинуть всю мебель в доме, и не почувствуем себя хуже после этого. У нас не будет мозолей на ладонях и надорванных спин. Мы можем десять раз можем переместить все, что находится в нашем доме, пока земные люди будут только думать, как сделать это – и все это без всякой суеты и ничего не поломав при этом.

Мы переезжаем, когда чувствуем, что должны жить в другой части этой сферы. Мы не привязаны к одному месту и не обязаны соблюдать формальности. Выбрав место для проживания, мы обычно остаемся там до того момента, когда окончательно покинем эту сферу. Оно нам не надоедает, и мы не устаем от своего окружения, потому что вокруг происходят постоянные перемены – малые и большие перестройки или улучшения нашего жилья. Например, наш дом, каким ты его видишь, не совсем такой, каким он был в момент моего прибытия. Учитывая нашу работу, мы подумали, что его следует расширить для нашего удобства, и мы пристроили к нему крыло, которое мы тебе показывали, довольно большое, с гобеленами на стенах, длинным столом и стульями вокруг. Это было одно изменение.

Сад тоже претерпел всевозможные реконструкции. Само по себе это очень приятное занятие и выполняется оно настоящими мастерами в области садоводства и садового дизайна. Как видишь, перенос имущества не представляет собой никакой проблемы. Нам не нужны большие грузовики и фургоны. Усилий одного человека достаточно, чтобы передвинуть самый громоздкий предмет мебели, потому что все в этом мире одухотворено жизнью. Здесь нет, как я уже сказал, инертного вещества. Мы можем передвинуть все, что есть в нашем доме или каком-либо другом, без малейшего труда.

А теперь, Роджер, ты не хочешь пойти и посмотреть город? До сих пор ты видел его только через окно дома. Пойдем пешком или воспользуемся другим способом?»

VII. Город

«Похоже, никто никуда не торопится», - заметил Роджер.

«Потому что им некуда торопиться».

«О, да, конечно, я об этом не подумал».

«Именно так. А если необходимо поторопиться, то можно оказаться на месте со скоростью мысли. А если нет необходимости, то нет и спешки».

Мы добрались до окраины города и находились на возвышении, достаточном для того, чтобы представить юноше панораму «метрополии». Оттуда, где мы стояли, были видны величественные строения с окружавшими их садами и миниатюрными озерами, лучами расходившиеся от огромного здания в центре. Роджер отметил, что нигде ни видно улиц, есть только широкие дороги, поросшие травой.

Над куполом центрального здания он заметил сияющий луч света и заинтересовался, что это.

«В этом здании с куполом, Роджер, - объяснили мы, - мы собираемся по официальным случаям, чтобы поприветствовать величайших личностей из высших сфер. Это не совсем храм, хотя за неимением лучшего можно назвать его и так. Он не является официальным местом поклонения, как на земле. Мы не отправляем здесь богослужений. Когда мы собираемся здесь, чтобы встретить наших великих гостей, эти собрания никогда не бывают очень долгими. Как правило, они короткие, хотя, конечно, мы некоторое время сидим в ожидании прибытия гостей и остаемся ненадолго после их отбытия. Но какими бы непродолжительными ни были эти визиты, все вопросы решаются в течение этого короткого времени. Мы не тратим время на несущественные детали и бесполезные формальности. Яркий луч, спускающийся с купола, который ты видишь, светит постоянно».

«Он, должно быть, очень мощный, если его видно при ярком дневном свете».

«Да, без сомнения, это мощный свет, но, учитывая, откуда он исходит, это неудивительно. А исходит он, мой друг, от Великого Источника Всего Сущего. И все же, этот свет не ослепляет, правда?»

«Когда мы впервые рассказали тебе о городе, ты вряд ли ожидал увидеть такое, да, Роджер, - спросила Рут. – Хотя это, пожалуй, глупый вопрос, - добавила она, - ты не ожидал ничего особенного, как и большинство людей».

«Я сам не знаю, чего я ждал. Думаю, что чего-то похожего на земной город».

«Секрет в том, что у нас здесь все проще, чем на земле, если только образ жизни там радикально не изменится. Подумай, Роджер, о том множестве вещей, которые нам здесь не нужны. Попробуй на досуге составить список того, что тебе не нужно для жизни в духовном мире, и у тебя получится целый каталог».

Смотри, начнем с домашнего хозяйства. Возьми пищу. Нам она не нужна, а это означает исключение огромной отрасли, производящей продукты, напитки, всю посуду и утварь для приготовления и сервировки пищи.

Наша одежда дается нам благодаря действию естественного закона – так мы обходимся еще без одной индустрии. Нашу транспортную систему ты уже видел».

«Да, она блистает своим отсутствием!»

«Совершенно верно».

«А теперь подумай обо всех тех ремеслах и профессиях, которые не имеют аналогов в этом мире».

«Например, владельцы похоронных бюро», - с улыбкой предположил Роджер.

«Или политики», - добавила Рут.

«Не забудь про священников и епископов, - напомнил я. – Владельцы похоронных бюро заняты здесь более приятной работой, а политики – более полезной».

«Как видишь, Роджер, здесь нет магазинов, - обратила внимание Рут, - потому что здесь нет никакой торговли».

«А что делать, если мне что-то нужно?»

«Что, например?»

«Ну, - он подумал несколько мгновений, - мне ничего не приходит в голову», - закончил он озадаченно. Мы улыбнулись.

«Странно, правда, Роджер? Тебе, кажется, ничего не нужно. Одежда, которая сейчас на тебе, это та, в которой ты сюда прибыл. Кстати, когда ты почувствуешь, что хочешь сменить ее на настоящее духовное одеяние, ты сразу же сможешь это сделать. А по тому, как ты одет сейчас, сразу видно, что ты вновь прибывший. Если хочешь выглядеть как «житель со стажем», как мы с Рут, тебе придется расстаться со старой одеждой и надеть новую. По крайней мере, духовное одеяние это то небольшое, что может здесь понадобиться ».

«Но если нет магазинов и портных, то что делать тогда?»

«Ничего, или, по крайней мере, совсем немного. Ты хочешь сбросить свою старую одежду, Роджер?»

«Да, с удовольствием».

«Тогда давай, дружище».

«Да, но как?»

«Боюсь, мы не сможем объяснить тебе, как это происходит. Посмотри на себя, Роджер. Ты смотришь перед собой. Посмотри на себя поближе».

Юноша последовал совету и с удивлением обнаружил, что его земные одежды уступили место яркому духовному одеянию, широкому и свободному, гармонирующему с окружающей обстановкой. С Рут и со мной произошло то же самое, и Роджер впервые увидел нас в духовных одеждах.

«Теперь ты видишь, Роджер, какими бы мы могли появиться у тебя в спальне, если бы не сменили одежду на земную. Это могло бы тебя напугать».

«Не сомневаюсь», - ответил он. Он приподнял складку своего платья, рассмотрел ее поближе и заметил, что это не похоже на создание рук человеческих.

«Да, Роджер, человеческие руки не создавали этой одежды, но Рут и я скажем честно, что не знаем, в результате какого естественного процесса она возникает. Здесь много того, чего мы не знаем, поэтому мы просто принимаем все, как есть. Когда ты был на земле, разве ты анализировал все, с чем сталкивался в повседневной обстановке, и пытался понять, как оно возникло, все те сотни причин, почему оно существует? Уверен, что нет, и так же мы с Рут. И для чего нам здесь проводить детальное исследование причин существования вещей, которые составляют часть нашей жизни?»

Ты видишь это большое здание справа от нас? Его называют домом тканей. Ты можешь увидеть там тысячи самых прекрасных материалов, часть которых представляет собой дубликаты тканей, созданных в разных концах земного шара в течение столетий. Другие являются специфическими только для духовного мира, как по дизайну, так и по структуре.

Ты видел гобелены, висящие на стенах в нашем доме. Их соткала Рут здесь, в доме тканей. Когда нам его впервые показали, и Рут увидела сотни счастливых людей, ткавших гобелены, она сразу же заразилась этой идеей. С тех пор она стала мастером этого искусства, как ты видел у нас дома».

«Это мелочь, - отмахнулась Рут. - Ты тоже можешь этому научиться, если у тебя есть к этому склонность. Это одна из задач этого мира – научить тебя делать всевозможные вещи профессионально».

«Дом тканей не может обеспечить тебя духовной одеждой, Роджер», - заметил я.

«Вокруг столько знаний, что я чувствую себя ужасным невеждой».

«Не надо так, дружище. В конце концов, можно испытывать те же самые чувства перед дюжиной томов энциклопедии, если уж говорить об этом. Мы не рождаемся с огромным запасом знаний, которые всегда у нас под рукой. Когда мы с Рут увидели все эти чудеса, мы чувствовали то же самое, как и любой другой на нашем месте. Мы все в одной лодке, Роджер, и все мы невежды»

«Должен сказать, что люди, похоже, не очень-то расстраиваются по этому поводу».

«Эти дома учения посвящены тому, что на земле называется искусством, - объяснил я, - то есть, живопись, музыка, литература и тому подобное. Им уделяется здесь большое внимание. Конечно, есть и другие. На земле искусство рассматривается скорее как дополнение к жизни, нежели как необходимость. Без него можно обойтись, хотя в этом случае земля стала бы еще более скучной, чем сейчас. Здесь искусство жизненно необходимо, и ему уделяется большое внимание. Отсутствие тех отраслей, которые мы тебе уже перечислили, дает больше свободы развитию других, и эти занятия более приятны.

И еще, Роджер, ты не найдешь здесь музыкальных извращений и различных уродств, замаскированных под произведения искусства. Они никогда сюда не допускались и не будут допущены. Здесь нет обмана, Роджер. «Оставь притворство, всяк, сюда входящий».

«А что нужно сделать, чтобы тебя приняли на обучение в один из таких домов, монсеньор?»

«Просто войти в дверь. Тебя тепло примут и направят по пути знаний в том, что тебя интересует. Именно так Рут училась ткать гобелены. Она спросила, может ли она присоединиться к другим, чтобы обучиться этому искусству, и ее сразу приняли без всяких формальностей».

«Я в жизни не была так счастлива, - вставила Рут. - Милые люди, терпеливые и доброжелательные, особенно, когда ты такой неловкий, как я, когда только начала. А монсеньор проводил очень много времени среди книг в главной библиотеке. Это ужасное место для тех, кто этим интересуется. Там миллионы книг на все возможные темы. Ты когда-нибудь пытался найти что-нибудь в энциклопедии, Роджер, особенно в хорошо иллюстрированной?»

«Да, это совершенно безнадежное дело, постоянно отвлекаешься на всякие пустяки».

«Тогда ты можешь представить себе эту библиотеку. Если бы монсеньор был объявлен пропавшим без вести, это было бы первым местом, куда отправилась бы поисковая бригада».

«Давайте подойдем поближе и посмотрим некоторые из этих домов», - предложил я.

«А нам разрешат войти просто так?»

«Именно просто так, Роджер. Никаких разрешений не требуется, часов работы тоже нет - они открыты целый день, что в общем-то несложно, потому что ночи у нас нет».

«Значит, одни и те же люди работают целый день?»

«Господи, конечно же нет. Это означало бы вечную работу вместо «вечного покоя». Действительно, можно сказать, что работа здесь продолжается бесконечно, но это не значит, что одни и те же люди заняты ей без всякого отдыха. У нас нет деления на ночь и день, но работа распределяется между персоналом таким образом, чтобы люди могли отвлечься и отдохнуть, и все этим очень довольны».

Роджер заметил, что здания здесь не очень высокие, если измерять обычными земными критериями.

«Да, два этажа средней высоты – этого здесь вполне достаточно. Потому что проблемы с дефицитом земли здесь нет. Здесь нет необходимости строить вверх, у нас достаточно места, и результат, признайся, отличный».

Роджер был в полном восторге от всего окружающего: широких дорог, поросших великолепной травой, множества клумб, деревьев и прудов с кристально-чистой водой, которые создавали изысканный фон для множества прекрасных зданий, составлявших городской ландшафт.

«Тебе не кажется странным, Роджер, что вся эта неопишуемая красота вызывает насмешку у многих земных невежд? Разве земной мир не выглядит бледным убожеством в сравнении со всем этим великолепием? И все же земные люди, по крайней мере,

многие из них, считают свой мир эталоном, по которому они судят и оценивают все остальное. Задымленные, грязные земные города считаются мерилom, а к этому чудесному месту относятся с презрением, если не с насмешкой».

Мы с Рут разъяснили Роджеру, каким целям были посвящены различные дома и, он, наконец, выразил желание осмотреть дом техники, где также проводились исследования в области химии. Мы вошли, и нас приветствовал человек, отвечавший за всю разнообразную деятельность, которая здесь постоянно происходила.

«Это вы, монсеньор, - воскликнул он, - и вы, Рут! Очень рад! Давненько мы вас не видели. Чем могу служить?»

Я объяснил ему, зачем мы здесь, и представил ему Роджера.

«Вы пришли по адресу, друзья мои». Мы улыбнулись этому шутивому выражению, потому что это стало уже традицией, что руководители всех этих домов в данной ситуации говорят совершенно одно и то же, и это их вполне законная гордость.

Их всех домов учения дом техники и химии, пожалуй, теснее всего связан с землей, потому что именно отсюда происходят многие земные открытия в этих областях. Множество новых веществ было изобретено в духовном мире и передано на землю, чтобы послужить на общее благо. Проходя от помещения к помещению, мы видели, как химики и их ассистенты экспериментируют с различными субстанциями, которые в комбинациях образуют совершенно новое вещество, в точности отвечающее цели, для которой оно создано. Нам показали, как путем синтеза создаются точные копии земных материалов, потому что бесполезно изобретать новое вещество чисто духовной природы, которое неприменимо для земных целей. Ученые на земле должны использовать земные материалы, поэтому в духовном мире работают с их точными копиями.

Часто бывает так, рассказал нам наш гид, что земному ученому достаточно бывает одного намека, чтобы направить его по пути десятков других открытий. Все, чем заняты ученые здесь, это первоначальное открытие, а за ним в большинстве случаев следуют остальные.

Здесь создавались новые субстанции, которые будут использоваться в качестве строительных материалов для жилых домов и больших зданий, а так же для многих других типов строительных конструкций, производились новые составы, которые, в конце концов, превратятся в различные ткани, легкие и более плотные, например, для одежды или для обивки мебели.

В техническом отделе старые известные принципы использовались в новых направлениях, а результатом были более совершенные, надежные и комфортабельные средства передвижения.

Мы увидели множество различных изобретений – от простых домашних приборов до больших машин, используемых в производственных процессах.

Жизнь на земле стала слишком сложной, и люди проводят много времени в чисто материальных заботах, забывая о духовном. Поэтому жизнь должна становиться проще и приятнее. Духовный мир может многое передать на землю, чтобы достичь этой цели, но земной мир должен сначала навести у себя порядок. Самое главное это окончательно

забыть о войнах и перестать обращать во зло то, что дается для мирных целей. Из двух путей один ведет к катастрофе, другой к счастью. Выбор – за человеком.

VIII. Мы посещаем «церковь»

Мы уже покинули город и шли по краю леса, когда Роджер, указывая вдаль, сказал:

«Это очень похоже на церковь».

«Это и есть церковь, - ответила Рут, - только с одной разницей».

«Хочешь осмотреть ее?», - спросил я и, получив положительный ответ Роджера, мы повернули в этом направлении.

«Церковь», о которой шла речь, казалась во всем похожей на свою привычную земную копию, за исключением возраста. Несмотря на древность, на ней не были заметны следы разрушительного действия времени, и у нас появился повод объяснить юноше, что физическое разрушение, вызываемое действием стихий и ходом времени, в духовном мире не существует, и даже если здание выглядит так, словно построено только вчера, ему могут быть уже сотни лет.

«Церковь», которую мы посещали, не была исключением из правила. В действительности я не верю в то, что в духовном мире существуют какие-либо исключения, которые не подтверждали бы правило. У этой «церкви» были и другие особенности, которые Роджер мог не заметить, не придав этому значения, поэтому, подойдя ближе, мы спросили его, не увидел ли он в ней что-то необычное.

У юноши был острый взгляд, и он быстро схватил основную суть.

«Да, ответил он, - хотя церковь кажется обычной, но ее окружение настолько непривычно, что и сама она начинает выглядеть иначе».

«Молодец, Роджер, - похвалил я. – Ты совсем недавно оставил земной мир, поэтому земные вещи еще свежи в твоей памяти. Ты делаешь очень точные сравнения.

«Церковь», которую ты видишь, это иллюстрация того, что могло бы существовать на земле, если бы там прилагали усилия для того, чтобы сделать их настоящими произведениями искусства. Все это было построено для того, чтобы показать, что можно создать на ограниченном пространстве. Как видишь, территория вокруг сооружения довольно обширная, и, тем не менее, она не используется полностью для того, чтобы по возможности воссоздать привычные земные условия, когда пространство обычно ограничено».

Подойдя поближе, мы увидели низкую кирпичную стену, окружавшую церковную территорию и имитировавшую земную ситуацию, когда нарушаются чужие земельные права. Стена была ровной и аккуратной, не создавая при этом впечатления слишком простой и скучной. Мы прошли через ворота и пошли по широкой дорожке, вымощенной из практических соображений субстанцией, придающей ей вид асфальта, потому что дорожка, поросшая травой, была бы быстро вытоптана под ногами многочисленных посетителей, а здесь должна была соблюдаться точность воспроизведения.

Так как здесь все цветет постоянно, то с силу сложившихся обстоятельств пришлось пойти на компромисс в том, что касается внешнего вида летом и зимой. Было посажено множество вечнозеленых деревьев и кустарников, а некоторые клумбы были оставлены пустыми, чтобы наводить на мысль о зиме, когда на улице мало что, если вообще что-нибудь, цветет.

С одной стороны протекал маленький ручей, тщательно направляемый в ровное русло и бравший начало из небольшого водопада. С обеих сторон он был обсажен цветами. То тут, то там виднелись пруды с лилиями, окруженные прекрасными деревьями. Можно представить себе возможность подобного расположения на земле, принимая во внимание большую красоту духовной копии. И план, и его исполнение были подражанием земному, за исключением неприглядного и ненужного кладбища, которое так часто можно увидеть рядом с церковью, заброшенное и заросшее травой.

Роджер сразу заметил отсутствие кладбища, которому на земле придается такое значение. Не увидел он и доски для объявлений.

«Рут говорила тебе о разнице, помнишь, Роджер? Разница есть и внутри, и снаружи. В действительности, это церковь только по названию и внешнему виду. Это образец того, что могло бы быть сделано на земле, если бы земные люди пожелали кое-что изменить. Мы предлагаем в качестве образца только внешний вид, обстановку, потому что это не является местом поклонения в земном смысле. Иными словами, здесь не бывает богослужений, хотя все, что происходит внутри, гораздо важнее того, что круглый год происходит в земных церквях. Однако, не будем продолжать эту тему, давайте войдем внутрь».

Внутри здания не было ни души. Оно было построено, как приходская церковь и поскольку не являлось церковью в прямом смысле, здесь не было многого, что обычно сразу бросается в глаза, купели, например, и кафедры проповедника. Но больше всего Роджера поразило отсутствие алтаря.

Святилище было обычным, с лестницей, ведущей наверх, к широкой площадке с несколькими красивыми стульями, главный из которых находился в центре и был украшен чуть больше, чем остальные. Над ними возвышалось стрельчатое окно из изысканного цветного стекла. Вместо обычных сцен религиозного содержания мозаика изображала сельские мотивы, которые часто можно увидеть, к примеру, на гобеленах.

На стене, непосредственно на стульями, виднелись две надписи, выполненные в виде мозаики и расположенные рядом. Они сразу привлекли внимание Роджера, и он, повернувшись ко мне, спросил: «Почему эти два луча света спускаются на надписи?»

«Они не спускаются на них, Роджер, они исходят от них».

Юноша прочитал вслух надпись на латыни: «Gloria in excelsis Deo, et in terra pax hominibus bonae voluntatis».

«Верно, Роджер, но, прости, произношение у тебя ужасное»

«Так уж меня научили», - улыбнулся юноша.

«Конечно, мой дорогой. Со мной вначале было то же самое. Это еще один пример земного культа всего безобразного. Правило звучит так: по возможности всегда выбирай самое уродливое».

«Да, будет Вам, монсеньор, все совсем не так ужасно».

«Ну, если не совсем, то почти так. Ты знаешь, что означают эти слова? Если нет, то они переведены здесь для твоего удобства – «Слава в вышних Богу и мир на земле людям доброй воли!» Заметь эту последнюю фразу, Роджер. Это отличается от того, к чему вы привыкли на земле. Это означает большее. Мир, мальчик мой, никогда не придет к людям на земле, если сначала не будет доброй воли. Если будет всеобщая добрая воля, настанет и всеобщий мир. Если кто-то сомневается в этом, может попробовать».

Луч света, который ты видишь, может иметь любое направление – он может либо падать на надпись, либо исходить от нее, но мы имеем дело со вторым. Это здание вместе с окружающими его садами было построено людьми, проживавшими поблизости, как место приема многочисленных учителей из высших сфер, время от времени посещающих нас, чтобы помочь нам в различных ситуациях. Поэтому там, где должен быть алтарь, стоят стулья. Главный посетитель располагается в центре, как ты догадываешься, а остальные стулья предназначены для его сопровождающих.

Посмотри вокруг – что ты видишь, или, точнее, чего ты не увидел?»

Роджер огляделся: «Нет никаких изображений религиозного характера, нет доски с гимнами, нет свечей и других украшений. На самом деле это просто оболочка церкви с удобными стульями внутри вместо жестких скамеек».

Окна были из цветного стекла, и лучи света, падавшие со всех сторон, переплетались между собой, создавая нежнейшие оттенки всех цветов радуги.

«Эти тексты были помещены здесь по настоятельной просьбе тех, кто отвечал за строительство здания. Как и все мы, они испытывали ужас перед войной, самым ужасным бедствием, которое только может обрушиться на человечество. Они задумались над тем, как им выразить то, что больше всего их волновало. И наконец им пришла в голову мысль использовать эту известную цитату и поместить ее на стене прямо над тем местом, где восседают наши высокие гости, чтобы ее мог увидеть каждый входящий. Они выполнили ее в виде мозаики, очень искусно, в ярких тонах, сделав ее своей постоянной мысленной молитвой. И этот исходящий от нее свет никогда не ослабевает и не побледнеет. Он всегда будет неизменно ярким. Это маленькая капля в океане добрых мыслей, друг мой, по своему достаточно значительная, но недостаточно сильная, чтобы остановить или предотвратить войну».

Ты уже видел, Роджер, что в этой стране ничего не остается несделанным, потому что никто не попытался этого сделать. Каков бы ни был результат, каким бы безнадежным изначально ни казалось дело, все равно попытка будет предпринята. У нас бывают неудачи, но бывают и успехи. Война, мой мальчик, это слишком большая тема, и не очень веселая, особенно для тебя, который только начинает знакомиться с чудесами духовного мира. Мы с Рут не хотим тебя расстраивать».

«Вы не расстраиваете меня, монсеньор, я хочу знать об этих вещах, даже если они и не очень приятные».

В «западном» конце здания находился большой орган. Его дизайн и конструкция не были особенно примечательными, и трубы располагались в обычном порядке.

«Хороший инструмент, Роджер. Кто хочет, может на нем поиграть. Подойдем, посмотрим на него поближе, а Рут нам, может быть, что-нибудь сыграет».

Мы поднялись по ступеням и оказались в хорах.

«Здесь нет электричества, может, мне накачать для вас воздух, Рут?» - предложил Роджер.

«В этом нет необходимости, спасибо, мой милый, - ответила Рут. - Ты прав, электричества здесь нет, но есть кое-что получше», - и она указала на ящичек на полу рядом с органом.

«Здесь все, что нам необходимо. Мне нужно только привести эту маленькую машину в действие, и она начнет нагнетать воздух в инструмент».

«А что заставит ее работать?»

«Мысль, Роджер, мысль, и больше ничего, - ответила Рут с улыбкой. - Знаешь, ты еще пока не имеешь представления о том, на что в действительности способна мысль».

«Нет, но начинаю понимать!».

Рут села за клавиатуру и сыграла короткую пьесу, светлое, радостное скерцо, которое специально для нее сочинил один из ее друзей – великих музыкантов. Когда отзвучала последняя нота, Рут встала и, взяв Роджера за руку, сказала: «Пойдем, посмотрим, что мы сделали».

Мы вышли из здания, и, заметив, что мы с Рут смотрим вверх, Роджер тоже поднял глаза и с удивлением увидел над крышей огромную сферу, похожую на пузырь, мягко вращающуюся вокруг своей оси. Ее цвета – нежно голубой и розовый, переплетались, не теряя своей идентичности.

«Давайте отойдем чуть дальше, - предложил я, - и Роджер увидит полный эффект. Сейчас мы совсем под ней».

Мы отошли на четверть мили, где полное впечатление было просто великолепным. Роджер испытывал что-то вроде благоговения при виде этой кажущейся хрупкой формы, висевшей в воздухе без какой-либо видимой опоры.

«Любая музыка, Роджер, создает какую-либо форму, неважно, на каком инструменте играют. Хотя, если бы я исполнила пьесу на пианино, она не получилась бы такой большой. Но мы все равно создали бы форму, пусть и не такую красивую. Я никогда не играла эту вещь на пианино, и не могу сказать, что получится. Пьеса была написана для органа, где можно получить достаточную полноту звука и разнообразие звуковых эффектов. Прекрасное зрелище, правда?»

«Знаете, Рут, это пугает меня больше, чем все, что я видел до сих пор, хотя «пугает», наверное, не то слово».

«Нет, дружище. Я думаю, правильнее будет сказать – вызывает благоговейный трепет, но как ни назови, это необычное чувство.

Мы с Рут испытывали то же самое, когда увидели это в первый раз, и до сих пор не отвыкли от этого ощущения. Я не думаю, что это когда-нибудь произойдет и надеюсь на это. Если мы перестанем на это реагировать, значит что-то не так, но музыка в этом не виновата. Однако об этом не может быть и речи – мы всегда будем испытывать глубокие чувства, когда будем слышать и видеть музыку, написанную такими мастерами, а это действительно мастера, Роджер».

Роджер смотрел на Рут с восхищением, даже поклонением перед мастерством, которого она достигла. Рут это позабавило, и, ничуть не тронутая таким выражением эмоций, она поспешила отмахнуться от похвал.

«Я не сделала ничего особенного, Роджер. Каждый, кто играет на каком-нибудь инструменте, может произвести такой же эффект. Это создает механический инструмент, но ни один инструмент не сможет сочинить музыку. Вот кому должна быть адресована похвала – композитору».

«Я правильно понял, что какой-то великий музыкант написал эту пьесу специально для вас?»

«Совершенно верно, Роджер. Еще один сюрприз? Это неудивительно, если подумать, что все знаменитые музыканты, покинувшие земной мир, должны где-то находиться. Не так ли?»

«Да, конечно. Странно, я об этом даже не подумал».

«Я думаю, - заметил я, - это потому что большинство людей считает композиторов только полулюдьми. Поэтому многие из них на земле жили впроголодь. А когда они умерли, о них вдруг вспомнили, воздвигли им памятники, а их произведения вдруг стали очень ценными. Сейчас дела на земле обстоят немного лучше, и композитор не умирает от голода, но если он сочинил по-настоящему хорошие вещи, они становятся намного более ценными после его смерти. В настоящий момент на земле нет гениев. Все истинные гении – здесь. Музыка, которую ты слышал сейчас, это произведение истинного гения. Даже если не видеть ее, а только слушать, это уже наслаждение».

«И как долго этот шар останется здесь?» - поинтересовался Роджер.

«Обычно, - ответила Рут, - он исчезает через несколько мгновений, но мы с монсьёром дополнительно зарядили его своими мыслями, чтобы ты увидел его во всем великолепии. Когда оркестровые или другие произведения исполняются быстро одно за другим, то если формы будут оставаться слишком долго, они начнут беспорядочно нагромождаться одна на другую и терять свои очертания».

IX. Вопрос возраста

«Меня смущает одна вещь», - заявил Роджер.

«Только одна?» - осведомился я. Однако добродушный юноша никогда не обижался на наши подшучивания.

После посещения «церкви» и органного концерта Рут мы вернулись домой и удобно расположились в комнате на нижнем этаже, где Роджер впервые увидел духовный мир.

«И что же тебя смущает, дружище? Доложите о деле, как говорят юристы, и, возможно, мы с Рут сможем пролить свет на этот вопрос».

«Дело вот в чем: почему все выглядят такими молодыми? Я нигде не видел старых людей».

«Видел, Роджер, видел, но не в том смысле, конечно».

«Если я задаю слишком личный вопрос, монсеньор, можете не отвечать, но все же – сколько вам лет?»

«Не бойся задавать личные вопросы в том, что касается возраста. Мы здесь не отличаемся повышенной чувствительностью. Даже Рут не обидится, если ты спросишь ее об этом, а ты знаешь, что на земле женщины иногда немного чувствительны в этом вопросе. Но здесь это неважно, и никто не придает этому большого значения. Хотя это интересная тема, особенно для таких, как мы с тобой, Роджер, и для Рут, кому интересно заглянуть в суть вещей».

А теперь о моем возрасте. Когда я оказался здесь, мне было 43 года, и я здесь уже 37 лет – я знаю это точно, потому что интересуюсь тем, что происходит на земле, и в курсе того, сколько прошло времени. Теперь, если сложить, получится ответ».

«Боже мой! - воскликнул юноша. – Тогда получается, что вам восемьдесят!»

«Именно так. Молодой человек восьмидесяти лет».

«Но вы даже близко не выглядите на столько».

«Надеюсь на это. На самом деле я едва ли сильно изменился с тех пор, как оказался здесь. Несколько перемен к лучшему, а так все по-старому».

«А сколько ты бы дал мне, Роджер?» – спросила Рут.

«Будь осторожен, Роджер», - вмешался я, но юноша не решался сделать предположение.

«Если бы ты даже сказал сто, я бы нисколько не расстроилась. Но столько мне пока нет. Скажи шестьдесят два и не ошибешься».

«Но вы никак не выглядите старше двадцати пяти», - возразил Роджер.

«Именно в этом возрасте я здесь и оказалась».

«Как же тогда должен выглядеть я?»

«Чуть постарше младенца в колыбели, - улыбнулась Рут. – Нет, Роджер, по возрасту ты выглядишь так же, каким был на земле. В том, что касается здоровья, совершенно иначе, особенно если сравнивать с последними днями. Бедняга Роджер, ты был очень болен, никакого сравнения с тем, что теперь. Твоя мать увидела бы в тебе сейчас того юношу, которого она знала».

«Видишь ли, - сказал я, - в духовном мире возраст не исчисляется годами. Обычным, постоянным состоянием является то, что называют расцветом жизни. Если кто-то прибывает сюда до этого возраста, как ты и еще многие другие, даже крошечные младенцы, они постепенно продвигаются вперед к расцвету жизни и остаются такими навсегда. Если ты приходишь сюда в более преклонном возрасте, может, даже в восемьдесят или старше, то ты возвращаешься назад. Иными словами, становишься моложе».

«Идея вполне разумная».

«Верно, но здесь все идеи разумные». И мы дружно рассмеялись в нашем одобрении духовного мира.

«И все же, Роджер, кроме шуток. – Закон, который управляет всем этим, справедлив. Он справедлив во всех отношениях, и к тем, кто прожил весь назначенный ему срок на земле, и к тем, кто покинул ее в раннем детстве или в твоём возрасте, Роджер, или в возрасте Рут, да и в моем тоже».

Но я скажу тебе одну вещь – здесь очень трудно определить возраст человека, то есть сказать, сколько лет он прожил в духовном мире, плюс годы, прожитые на земле.

Чем дольше ты живешь в этом мире, тем короче кажется тебе в сравнении с этим твой земной период. Возьми, например, Сияющее Крыло. Ты не сможешь угадать, сколько лет он здесь. Если бы у тебя было немного больше опыта – а это, несомненно, придет со временем – тогда ты смог бы догадаться об этом по некоторым признакам».

«Я не представляю, сколько ему лет. Он выглядит, как молодой человек в расцвете сил. Хотя когда он говорит, или когда смотришь на него поближе, можно заметить не то, чтобы возраст, но что-то, говорящее о большом опыте, что-то вроде того».

«Трудно определить, да, Роджер? Часто, когда видишь кого-нибудь здесь, можешь отметить про себя: да, это не желторотый юнец. Но ты не увидишь ничего, что указывало бы на определенный возраст, никаких внешних признаков, таких как морщины и другие привычные для нас следы прожитых лет. Так сколько же ты все таки дашь Сияющему Крылу?»

«Не думаю, что угадаю».

«Ему более шестисот».

«Поразительно, правда?»

«Не очень. Ты помнишь Омара? Ему вообще две тысячи, не больше и не меньше. А его друг египтянин и того старше – ему около пяти тысяч лет».

В этом мире нет возраста, Роджер, ни морщин, ни седины, никаких намеков на дополнительное бремя, которое ложится на нас на земле, никаких признаков изнурения и истощения, затруднения движения, изменения высоты голоса, никакой утраты интеллектуальных способностей. Но это не второе детство. Исключи все вышеперечисленные грустные моменты, и ты получишь нас такими, как мы есть – достигшими расцвета жизни вместо того, чтобы снова возвращаться в детство».

«А сколько лет духовному миру, монсеньор, как вы думаете?»

«Хороший вопрос, дружище. Знаешь, говорят, у вечности нет начала, а вечность и бессмертие это то, где доказать ничего невозможно. Единственное, что можно сделать, это положиться на согласованное мнение по этому вопросу, и ты увидишь, что мы все здесь едины в нашем мнении, а оно состоит в том, что и этот мир, и мы сами вечны. У нас ощущение абсолютного постоянства. Если бы все это не было постоянным, то какой был бы в этом смысл? И какой был бы смысл продолжать все это?»

Да, приятель, все в этом мире говорит о вечности этой чудесной жизни и о том, что всех нас ждет еще лучшая жизнь. Мы получили на это заверение от великих душ из высших сфер. И если то, что они говорят нам, не является истиной – а это абсурдное предположение – то истины нет совсем.

Но у нас есть и собственные полномочия, Роджер, это необходимо учитывать. Мы сами можем создавать. Ты еще не видел, как мы это делаем. Подожди, пока не увидишь, как возводят дом или дворец, или что-то еще большее. Мы делаем это для самих себя с помощью той энергии, которую получаем из Великого Источника. Конечно, ты можешь поспорить и спросить, а что произойдет, если этот источник не даст нам энергии. Эта идея абсурдна. Энергия передается нам с тех пор, как существует духовный мир. И здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали.

Наступает момент, когда цифры перестают иметь значение для земного человека. Если представить себе астрономические масштабы бюджетов стран, когда деньги исчисляются миллиардами, то эти цифры ничего не говорят среднестатистическому человеку. Сомнительно, что они что-то говорят тем, кто отвечает за них. В любом случае, земные люди привыкли к бесконечным рядам цифр, поэтому, когда речь заходит о летоисчислениях, это не должно вызывать удивления.

Самое большее, что можно ответить на твой вопрос о возрасте духовного мира, Роджер, это то, что он существовал задолго до земного. Мы знаем об этом из высших источников. Итак, если Земля возникла от 3 до 5 миллиардов лет назад, как было подсчитано, это говорит тебе о чем-нибудь? Боюсь, что нет. Мне тоже».

«И мне тоже», - присоединилась Рут.

«Именно так. Единственное, что мы можем себе представить, это колоссальное количество лет. И если духовный мир существует так долго, а у нас есть заверения на этот счет, значит, в этих сферах есть люди, возраст которых исчисляется таким же колоссальным количеством лет. И кем тогда выйдем все мы, остальные? Песчинками в огромной пустыне».

«Это потрясающе, монсеньор».

«От этих бесконечных рядов цифр, миллиардов лет захватывает дух, но для меня самое потрясающее это знание, которым обладают эти личности. Ты еще не встречался и не разговаривал ни с кем из них, Роджер. Мы с Рут встречались с ними, так же как и многие другие в этой стране. Мы даже посетили самого великого из них в его сфере. Придет время, и ты тоже удостоишься такой чести, в этой самой сфере, в этом самом доме. Омар лично служит этому человеку и является его правой рукой.

Вот видишь, что ты навлек на свою юную голову, задав этот простой вопрос!»

«Я уже вижу. Глупо было спрашивать об этом».

«Нет, нет, дружище, ни в коем случае. На твой вопрос трудно ответить, но вполне естественно, что ты хочешь, насколько возможно, понять вещи, которые приходят тебе на ум.

Как ты понимаешь, здесь много того, о чем нам не рассказывают не потому, что это тайны, а потому что нам до этого еще многому нужно научиться. В действительности мы с нашим ограниченным знанием и способностью восприятия просто не поймем этого на нашей ступени развития.

Это похоже на твои школьные учебники, Роджер. Ты должен начинать с азов. Заглянув к концу книги, ты увидишь вещи, выходящие за пределы твоего понимания, и они ничего тебе не скажут. Мы здесь в таком же положении в том, что касается бесчисленных проблем и вопросов. Медленно, но упорно мы продвигаемся вперед, и мы не единственные, кто не знает ответов. В этом мире все находится на своем месте, и никому из нас отсутствие знаний не мешает развиваться дальше. Знание придет, когда настанет время, а пока нет никакого вреда в том, что мы обсуждаем такие вопросы, как, например, мы сейчас. Когда настанет время пролить на них свет, свет придет, будь уверен.

Это разумный мир, Роджер, как ты уже успел понять, хотя если верить фантастическим представлениям некоторых людей на земле, это самое бессмысленное место во вселенной. А ты хотел бы променять эту жизнь на что-нибудь подобное Вечному Воскресенью?»

«Ни за что на свете».

«И мы тоже. Но на земле есть люди, которые считают нашу жизнь вершиной духовного блаженства, фактически раем.

И еще то, что касается возраста и расцвета жизни. Некоторые из нас изменяются внешне, если оказались в духовном мире в пожилом возрасте. С другой стороны, в нас с Рут мало что изменилось, учитывая наш возраст при переходе. Ты, Роджер, безусловно, будешь двигаться вперед, к расцвету жизни, и какие-то изменения в тебе будут происходить, небольшие, но будут.

Земные обычаи и мода имеют некоторое влияние, по крайней мере, среди мужчин, потому что на земле были времена, когда для дворянства было правилом носить бороду. Ты мог заметить, что мы здесь не увлекаемся такими украшениями, хотя если ты хочешь отрастить себе патриархальную бороду до пояса или любую другую, ничто и никто не может тебе помешать. Нет закона, который бы это запрещал. Однако это потребовало бы

некоторого мужества. Кое-кто из моих друзей не удержался бы от колких замечаний, если бы я себя так украсил».

«Например, я», - заметила Рут.

«А я приписал бы это обычной зависти. Видишь ли, Роджер, что происходит: твоя индивидуальность не утрачивается, но она несколько затушевывается, так сказать. Мужчина или женщина в пожилом возрасте выглядят совершенно иначе, нежели будучи молодыми, а бородатый мужчина без бороды выглядит по-другому. Эти изменения происходят очень быстро. Ты стряхиваешь с себя все физические особенности, относящиеся к земной жизни, и принимаешь вместо них духовные. После этого возраст уже не имеет значения.

Сравни Омара и его спутника. Между ними разница в три тысячи лет по земному времени. Ты можешь честно сказать, кто выглядит старше?»

«Нет, монсеньор, это невозможно».

«И то же самое можно сказать о миллионах таких, как мы».

«А что происходит с людьми, чья внешность известна всем на земле?»

«Ты имеешь в виду исторических личностей или современников?»

«И тех и других».

«В случае с историческими личностями нужно учитывать несколько факторов. Один из них в том, что на земле могло не сохраниться точных изображений, на которые можно было бы сослаться. Художники во все времена предпринимали попытки добиться сходства, используя описания конкретного человека, но большинство этих изображений неточны.

Поэтому ты можешь разговаривать здесь с людьми, даже не подозревая о том, что когда-то на земле они были знаменитыми. Их индивидуальность в том, что касается внешности, исчезла. Конечно, человек остался самим собой и стал более совершенным, какими мы все надеемся стать. Старые мастера делали все от них зависящее, и лица, написанные ими, по крайней мере, были человеческими, чего нельзя сказать о многих современных земных художниках! Но сам оригинал изменился до неузнаваемости.

А что такое, в конце концов, земная известность? Это зависит от того, на чем она основана. Сейчас на земле много тех, чья известность основана на их придуманной репутации. Но это вина не столько их самих, сколько тех безголовых людей, которые оказывают им такую большую поддержку.

Здесь есть люди, имевшие на земле очень дурную славу, но они поднялись в сферы света и очень рады тому, что их земные портреты оказались неточными, и их в этом мире никто не узнает».

Х. Урок созидания

«Каким ты считаешь этот дом и все, что в нем, и то, что ты видишь из окна? – спросил я Роджера. – Все это достаточно реально?»

«Конечно, - ответил он, - а почему вы спрашиваете?»

«Потому что, мой дорогой друг, на земле есть люди, считающие, что если все это создано мыслью, то оно не существует в действительности. Странно, не правда ли?»

«Думаю, я могу понять это в некотором смысле, - сказал Роджер, - потому что когда я проснулся на вашей тахте, мне показалось, что это сон»

«А что произошло потом?»

«Потом я увидел в ногах кровати вас, рядом стояла Рут. И вы говорили разумные вещи».

«Ну, Слава Богу, что так!»

«Вы понимаете, о чем я».

Мы посмеялись над его смущением. «Конечно, Роджер, ты имел в виду, что вся ситуация была вполне разумной, без всяких фантастических штучек, которые обычно происходят во сне».

«Да, именно так. Все сразу было совершенно реально. Вы помните, я поставил ногу на пол. После этого уже не могло быть никаких сомнений в том, что все реально и осязаемо».

«Реально и осязаемо - это самый важный момент, Роджер. Проблема, похоже, в том, что люди на земле не совсем осознают истинное значение силы мысли. У них есть некоторое ограниченное представление об этом, и довольно правильное, но, по моему мнению, они мыслят недостаточно широко».

Вспомни, когда мы с Рут пришли в твою спальню на земле. Мы просто вошли в нее, для нас не было никаких преград. Стены для нас ничего не значили. И мы сами ничего не значили для тебя в тот момент. Даже если ты видел нас, мы были для тебя нематериальными. Весь этот мир был пока невидим для тебя, хотя ты уже начал замечать нас.

Что произошло потом? Одна жизнь для тебя закончилась и началась другая. Это произошло в твоей спальне, точнее, там, где она расположена, и мы взяли на себя заботу о тебе. Если бы ты продолжал бодрствовать – а Рут погрузила тебя в короткий приятный сон – то ты увидел бы то же самое, что и мы – окутанную туманом комнату с неясными очертаниями людей. Мы могли бы с полным правом сказать, что комната была условием, но не состоянием, но мы знаем, что это не так. Комната была реальной и осязаемой для твоих родных. Ты изменил свои условия, перейдя от земной к духовной жизни, но ты не изменил состояния, и мы этого для тебя не делали. Ты понимаешь, о чем я говорю?

У тебя было какое-нибудь представление о будущей жизни? Нет, ты сказал, что не было, поэтому обстановка, в которой ты находился, не была плодом твоих мыслей, созданным на основании твоих представлений о потустороннем мире».

«Но разве я не мог оказаться в состоянии или условиях, которые кто-то создал для меня?»

«Хорошо сказано, дружище. Именно это и произошло. Это должно было быть осязаемое место, которое можно видеть, чувствовать и получать от этого удовольствие».

«Тогда в чем разница между ним и землей?»

«Разница в том, что здесь нет земных условий, которые бы вставали между нами и нашими мыслями. Все, что создается на земле, сначала должно быть мыслью, должно быть запланировано, спроектировано, если это что-то более сложное, а затем создано с помощью машины или вручную. Здесь мы обходимся без всех этих промежуточных стадий, всю работу выполняет мысль, и она делает это очень умело.

Мысль имеет здесь прямое действие. Именно в этом вся сложность. Поскольку мысль действует непосредственно, людям на земле кажется, что результат должен быть неосязаемым, призрачным, который может рассеяться в любой момент. Наши мысли в этом мире имеют гораздо большую силу и большие возможности, чем на земле. Чтобы создать конкретную вещь на земле, нужно выйти за пределы стадии мысли. А здесь мы всегда находимся в стадии мысли, потому что это последняя стадия, если ты меня понимаешь.

Непосредственно вслед за мыслью возникает конкретный предмет. Я отнюдь не имею в виду, что нам достаточно подумать о том, что нам нужно или чего мы хотим, и мы тут же это получим. Упаси, Боже, нет! Этот дом, Роджер, сначала тщательно продумывался и планировался, а затем началась работа строителей. Но она выполнялась только с помощью мысли. Не было никаких промежуточных стадий - доставать материалы, возводить леса и тому подобного. Наши друзья подумали, и их мысль создала вполне реальный осязаемый дом. И он таким и останется.

Сидим мы тоже не на воздухе, а на удобных стульях, которые стоят на полу. Мы живем не в мысленных условиях, и, слава Богу!»

«Тогда если хочешь что-то сделать, то нужно сначала научиться этому, монсеньор?»

«Совершенно верно. Думаешь, можно создать стол, подобный этому, за одно мгновение?»

«Уверен, что нет».

«Ни Рут, ни я не сможем этого сделать. Рут умеет ткать гобелены – ты уже видел некоторые из них, Роджер – но она делает их на машине, которую создал мастер, из материалов, которые тоже создаются мастерами. Но тем не менее они реальны. Как ты думаешь, как появляются цветы?»

«Не имею ни малейшего понятия».

«Ты хотел бы увидеть, как происходит процесс созидания?»

«Конечно, очень».

«Тогда пойдем и навестим человека, который этим занимается».

По дороге мы объяснили Роджеру, что наш друг содержит то, что на земле назвали бы сад-питомник. Будучи инкарнированным, он занимался похожей работой.

«Я думал, цветы растут здесь так же, как на земле – из семян и так далее. Но, судя по тому, что вы говорите, это, похоже, не так. Что же тогда происходит?»

«Подожди, пока мы не придем, Роджер, и наш друг все тебе расскажет. Смотри, ты видишь сады?»

Перед нами расстились огромные разноцветные полосы земли, каждый цвет отдельно, уходившие вдаль. Здесь росли деревья всех видов и возрастов, от молодых деревцев до настоящих патриархов. Мы пошли по дорожке, которая вела к большому дому.

Так как я уже отправил сообщение владельцу питомника, он ждал нашего появления. Роджер был очень удивлен его приветственными словами, указывавшими на то, что он знал о предстоящем визите. Рут вкратце объяснила Роджеру мысленный процесс передачи сообщений, на что он ответил, что это еще один вопрос, требующий более подробного освещения!

Мы представили Роджера как вновь прибывшего, который проходит обычную процедуру знакомства с новой жизнью.

«Итак, вы хотите посмотреть, как делают цветы, мой юный друг? Ну, что же, вы пришли по адресу», - добавил он, весело подмигнув.

Роджер уже полностью преодолел свою робость и засыпал всех вопросами. Он сразу же взялся за нашего друга садовника.

«Вы снабжаете цветами всех в этом мире?» - поинтересовался он.

«О, конечно же, нет. Только этот район, если можно так выразиться. В других местах еще много людей занимается этой работой. Я только один из них. Итак, с чего начнем? Пойдемте, сначала посмотрим нашу продукцию».

Мы оказались в окружении сотен клумб, на которых росли различные сорта цветов, посаженных ровными рядами.

«Мы не стремимся к особо художественному оформлению в том, что касается наших «серийных» грядок, хотя, обратите внимание, их цвета и эти длинные ряды клумб достойны восхищения. Именно эта огромная масса цветов и их яркие краски завораживают людей. Наши собственные сады, вон там, мы заложили просто для удовольствия».

Мы обратили внимание на огромное количество бутонов, которые росли на одном стебле.

«Видите ли, - объяснил садовник, - на земле цветы естественным образом отцветают, образуя семена, поэтому на одном стебле могут находиться как цветки, так и семена. А здесь, как видите, этого не происходит, и весь стебель усеян бутонами. Только здесь, я имею в виду в духовном мире, цветы могут расти подобным образом.

Посмотрите на эти шток-розы. Вы когда-нибудь видели такую красоту, чтобы бутоны были сверху донизу? Здесь нет увядания, нет смерти. Мы создаем их такими, и они такими и остаются».

Насколько хватало взгляда, нас окружали клумбы с такими великолепными цветами, каких никогда не видел глаз инкарнированного. Мы с Рут часто посещали это место, но для Роджера все было новым, и это открытие буквально лишило его дара речи.

Здесь росли все известные на земле цветы, которые выращивались людьми с незапамятных времен - «традиционные» шток-розы, анютины глазки, львиный зев, кентерберийские колокольчики, желтофиоль, левкои и другие. Можно представить себе, что аромат, источаемый такой массой цветов, был великолепным, но он не подавлял, а был приятен и доставлял удовольствие.

«Видите ли, эта работа – просто отдых по сравнению с теми трудами, которых потребовал бы такой сад на земле. Сомневаюсь, что там есть такие огромные сады, а этот еще не является самым большим. И все же, здесь есть все необходимое.

Как я уже сказал, это больше похоже на отдых. Нас не беспокоят земные проблемы, например, погода, правильная почва, все, что связано с посадкой растений и т.д. На земле это длительный процесс, начинающийся с того момента, как вы сажаете зерно в землю, и заканчивающийся тем, что вы срезаете цветы для продажи. Но здесь мы, слава Богу, создаем цветы уже с бутонами всех возможных цветов и оттенков, с одним или двумя, как пожелаем, или как пожелают другие. Мы создаем их и высаживаем, и больше ничего не требуется. Но мы не бездельничаем, даже если всего лишь проводим экскурсии по саду».

«Ты можешь подумать, Роджер, что нашему садовнику совсем нечего делать. Не обманывайся. Он настоящий добрый гений этих садов, шеф-дизайнер. Он и его коллеги отвечают за красоту многих садов, которые ты уже видел».

Мы следовали за нашим гидом тропинка за тропинкой, от цветочных клумб к аллеям деревьев и кустарников. Изобилие казалось ошеломляющим, но наш друг объяснил, что все, что мы видим, не просто для показа, а будет использовано по назначению.

«Если цветы и деревья никогда не увядают и не погибают, - спросил Роджер, - почему же их тогда столько требуется? Спрос, похоже, очень высок».

«Вы правы, спрос очень высок. Некоторые люди хотят расширить свои сады и разбить новые клумбы. Это одна сторона. С другой стороны – сады в городе. Они часто реконструируются и переустраиваются. И здесь снова без нас не обойтись. У людей может появиться потребность изменить что-то в своем саду, и мы снабжаем их всем необходимым, забирая у них все ненужное. Если вы посмотрите вокруг, то увидите много места для новых клумб и грядок. А теперь войдем в дом, я покажу вам несколько своих сокровищ».

Мы вошли в просторную комнату с множеством полок, на которых стояли объемистые тома. Наш друг взял одну из книг и открыл ее наугад. Мы увидели искусное цветное изображение тюльпана. Это была не художественная репродукция в прямом смысле слова, это было чисто ботаническое изображение, демонстрировавшее все детали цветка и его листьев, так что каждый рассматривавший его мог точно узнать его строение. Цвета рисунка, как нам сказали, были совершенно естественными.

«Именно по таким рисункам наши ученики изучают строение цветка, прежде чем начинают его творение. Прежде чем вы начнете создавать цветок или что-либо другое, вы должны точно знать все детали, необходимые для верного воспроизведения. Более или менее похоже – это недостаточно хорошо. Все должно быть совершенно. И единственный способ создать совершенство это знать наизусть каждую особенность объекта. Можно, так сказать, срисовать его с картинки, и это то, что всегда делают новички. Но потом они начинают изучать изображение или оригинал, и тогда начинается настоящая работа и разум их целиком поглощен создаваемым объектом.

В этих книгах вы найдете цветные изображения всех цветов, которые мы создаем здесь, как земных, так и тех, что относятся исключительно к духовному миру.

Кроме книг, у нас есть еще рисунки, висящие отдельно на стенах в другой комнате. Это сделано для удобства тех, кто хочет рассмотреть их, не заглядывая в книги. Пройдемте по коридору в большую комнату».

Мы вошли в просторное помещение, где на стенах висели великолепные изображения всех типов садов, которые можно увидеть в этой сфере. Невозможно было сказать, какой из них прекраснее других. Все они были одинаково прекрасны.

«Большинство, - сказал наш хозяин, - действительно существует где-то в этих местах. Так что, как видите, возможностям для творчества нет предела.

Некоторые из этих эскизов были переданы нам из других питомников так же, как мы передаем свои рисунки и эскизы, изображающие какую-нибудь особо удачную новинку. Происходит постоянный обмен, потому что, мы, мой юный друг, в постоянном движении. Мы не стоим на месте».

Наконец наш друг садовник привел нас в маленькую комнату, где работало несколько молодых людей, которые, как нам сказали, изучали искусство садоводства.

Мы заметили, что Роджера необыкновенно увлекло и заинтересовало все, что ему показывали. Это не значило, что до сих пор ему было скучно, но в том, что он видел сейчас, была особая привлекательность, и нам с Рут и самому садовнику показалось, что он не прочь был бы заняться этой работой.

Наш друг подошел к кульминационному пункту нашего визита – созданию цветка. Для этого он предложил нам сесть вокруг него, поставил на стол небольшой сосуд, похожий на обычный цветочный горшок, насыпал в него немного «земли» и без лишних вступлений попросил нас наблюдать за сосудом.

Сначала почти ничего не было видно, кроме легкого тумана вокруг горшка. Однако постепенно он начал принимать определенные очертания, в которых различался стебель с цветком. Они становились все более четкими, пока не возник полный образ цветка, и

хотя цвет его был еще несколько бледен, он уже сформировался настолько, что можно было безошибочно определить, какой это был цветок, а именно тюльпан.

Садовник встал со своего места, взял горшок, рассматривал несколько мгновений свое творение, затем выразил свое удовлетворение и передал нам для осмотра.

Это было очень красивое создание, изысканной формы и тонкое настолько, что сквозь него можно было видеть. Я вернул его автору, который снова поставил его на стол и последним усилием мысли, и кажется, без всякого труда придал цветку осязаемость и цвет.

«Держи, Роджер, этот чудесный цветок для тебя. Ты можешь сказать, что с ним не так?»

Юноша ответил, что не видит никакого изъяна.

«И тем не менее, он есть. Монсеньор и Рут знают об этом, но мы пока не посвятили тебя в этот секрет».

Роджер еще раз осмотрел тюльпан и снова признался, что не может понять, чего ему не хватает.

«Для того, чтобы просто любоваться на него, это лучшее, что мы можем сделать. Но в нем нет жизни, которая будет поддерживать его. Ее мы не можем дать ни ему, ни любому другому цветку. Она приходит из другой сферы, и мы не просим об этом, пока не убедимся, что сделали все правильно».

Мы тоже делаем ошибки, особенно мои юные ученики. Неудачи вполне ожидаемы, особенно, когда учишься, но это не беда. Мы возвращаем элементы к источнику и начинаем заново.

Иногда мы обнаруживаем, что, например, какой-нибудь лепесток имеет неправильную форму, или одна сторона бутона по оттенку отличается от другой, или цвет оказался не таким, как мы хотели. И нам приходится начинать сначала.

Моим ученикам работа доставляет огромное удовольствие, но самое большое удовлетворение приходит, когда они становятся по-настоящему искусными и могут создать такой же совершенный цветок или растение, как на картинке».

«А откуда приходит жизнь? - поинтересовался Роджер. – Для этого нужна специальная служба?»

«Ты имеешь в виду религиозную службу?»

«Ну, да, что-то вроде этого».

«Нет, мы лишь отправляем сообщение в высшую сферу, о которой я упомянул, и нам известно только то, что после этого на цветок быстро спускается жизненная сила. Конечно, изначально она происходит от Источника, но передается нам через другого человека. Это естественный процесс, и того факта, что мы создали цветок или другое растение, для этого достаточно. Наше желание оживить его исполняется, и мы обязательно получаем ответ на свою просьбу. Мы не попросили бы об этом для убогого

творения, и хотя мы получили бы желаемое и в этом случае, но гордость не позволяет нам это делать.

Сначала я проверяю работу моих учеников. Если требуется какое-то небольшое изменение или усовершенствование, это можно сделать, но если все слишком плохо, то приходится начинать заново, а неудачное изделие уничтожается.

Это очень просто, когда научишься. И то же самое можно сказать обо всем остальном – это легко, когда знаешь, как делать».

«Не хотелось бы говорить об этом, - сказал я, - но я уверен, что у меня получились бы цветы, которых никто никогда не видел и не увидит».

«Да будет вам, монсеньор. Хотите попробовать?»

«Лучше не надо. Я буду слишком волноваться. Особенно, если все вы будете глазеть на меня и ждать, что я что-нибудь натворю».

Все засмеялись над моим искренним признанием в трусости.

«На практике мы так не поступаем. Каждый новый ученик уходит со мной в маленький рабочий кабинет, где мы можем проводить первые эксперименты и первые попытки в уединении. Так что проблем никаких нет».

«Конечно, друг мой, я знаю, но все равно я как-то не уверен, что у меня что-то получится», - подтвердил я.

«Как вы думаете, а может появиться вакансия ученика, - спросил Роджер, - потому что если так, то я очень хотел бы...»

«...стать одним из них, - закончил фразу садовник, - У нас много места для всех, но прежде чем мы поговорим об этом, давайте закончим этот тюльпан. Это займет одно мгновение. Итак...». - Он взял тюльпан в руку, и в ту же минуту мы увидели, как на него спустился луч света. Это произошло и закончилось прежде, чем мы успели что-то понять. «А теперь совсем другое дело. Понюхайте», - он помахал цветком перед нами, и мы сразу же почувствовали нежнейший аромат.

«Подержи руку вокруг цветка, дружище Роджер».

Юноша последовал совету. «Вот это да! – удивился он. – Да он живой! Я чувствую – что-то вроде электричества бежит по моим рукам».

«Это не электричество, но это энергия. То, что ты чувствуешь, это и есть жизнь, и цветок передает часть ее тебе для твоей пользы. Но мы еще не закончили. Поставьте горшок на стол, возьмитесь за стебель и слегка покачайте его, как если бы вы хотели стряхнуть росинки с лепестков. Вот так».

Когда Роджер выполнил это простое действие, раздался чудесный звон, словно зазвенел маленький серебряный колокольчик, звонкий и чистый.

Удивленный и радостный, Роджер повторял свой эксперимент снова и снова.

«Все цветы издают такие звуки, когда их раскачивают?» - поинтересовался он.

«Все цветы и еще много других вещей, например, вода. Она тоже может издавать чудесные звуки, если она взволнована. Но пока в тюльпане не было жизни, он был безмолвен.

А теперь к делу. Ты хотел бы присоединиться к нам. Мы будем рады тебе, когда ты пожелаешь прийти. Пусть Рут и монсеньор сначала покажут тебе, что и как. У тебя масса времени. Сначала посмотри на мир, на наш мир, да, монсеньор?»

«Так точно, Роджер, - сказал я, - или ты хотел бы начать прямо сейчас?»

«О, нет, не сию минуту».

«Хорошо, тогда продолжим нашу экскурсию и еще кое-что посмотрим, а наш друг будет рад видеть тебя в числе своих учеников. Я расскажу тебе все, что ты пожелаешь узнать, чтобы не занимать время нашего друга».

Так все уладилось наилучшим образом, и еще одна счастливая душа стала еще счастливее.

XI. Человек в домике

«Вы говорили о других местах, монсеньор, - заметил Роджер, - не таких приятных, как это».

«Да, это так, Роджер», - ответил я.

«А где они находятся?»

«Что касается их месторасположения, оно не определено точно. Я думаю, ты заметил, что четыре указателя компаса не имеют значения в этой сфере, и вообще в духовном мире. Это, если ты помнишь свой вопрос, та проблема, которая могла бы возникнуть, если бы здесь можно было заблудиться. И все же мы можем показать тебе эти неприятные места. Ты уверен, что хочешь их увидеть?»

Юноша минуту помолчал. «Пожалуй, я лучше послушаю вас с Рут. Я имею в виду, послушаю вашего совета».

«Тогда, милый мой, если хочешь получить наш совет, то я думаю – и уверен, что Рут со мной согласится – тебе лучше пока держаться подальше от этих мест».

«Монсеньор совершенно прав, - поддержала Рут, - туда лучше пока не ходить. Ты знаешь, мы сделаем для тебя все возможное, но эти ужасные места пока не для тебя. Позже, может быть. Поверь нашему слову – и с нами согласятся тысячи других, что после этого ты не будешь чувствовать себя счастливым. Знаешь, как бывает на земле – наше любопытство часто приводит к тому, что мы можем увидеть что-то, о чем потом наверняка будем сожалеть».

«Можно сказать следующее, Роджер. Эти сферы мрака не являются адом с теологической точки зрения, адом, к которому мы прикованы навечно, куда можно войти, но откуда нельзя выйти. У любой личности, которая является обитателем этих мест, есть свободный выбор – она может выбраться оттуда, если изменит свой образ мыслей. Она сможет найти выход так же, как мы своим трудом можем подняться из этой прекрасной сферы в еще более прекрасную. И там, и здесь действует один и тот же закон, и он применим ко всем нам. А вот и живой свидетель того, что я сказал.

Ты видишь вон тот аккуратный домик, Роджер, с двумя высокими деревьями рядом с ним? Я не открою секрета, если скажу, что обитатель этого коттеджа когда-то жил в ужасной лачуге не совсем в сфере мрака, но в унылых, мрачных местах, граничащих с ней, своего рода сумеречной зоне. Ага, наш друг, кажется, увидел нас».

Мы увидели хозяина коттеджа, сидевшего в саду и махавшего нам рукой.

«Познакомим Роджера с ним, монсеньор?» - предложила Рут.

«Прекрасная мысль, если только Роджер не возражает послушать историю нашего друга. Она не длинная и не страшная, ничего в этом роде. Но должен сказать, что главным образом благодаря Рут этот человек смог выбраться из трудного положения и подняться на ноги. Так что он считает Рут почти что архангелом».

Рут улыбнулась.

«Я думаю, - сказал Роджер, что джентльмен совершенно прав. Во всяком случае, он знает свое дело. Я могу легко его понять, потому что вы двое даже за это короткое время уже столько для меня сделали».

«Нет, нет, мой мальчик, мы не сделали ничего, чего не сделали бы миллионы других. Однако не будем заставлять Рут краснеть.

Скажу тебе, Роджер, ты окажешь ему большую услугу, если пожелаешь послушать его историю. Он чувствует, что обязан нам за помощь, и, не зная, как нас отблагодарить, верит в то, что рассказывая о своем спасении, он тем самым выражает свою благодарность. У него добрые намерения, и он не жалеет сил.

Я надеюсь, ты не подумал, Роджер, из того, что я рассказал тебе, что это докучливый старый зануда. Я думаю, его история ответит на многие твои вопросы, которые тебе уже не нужно будет задавать».

Тем временем мы уже приблизились к дому, и хозяин поспешил нам навстречу.

«Рут, монсеньор, - воскликнул он с видимым удовольствием, - очень рад! Давненько я вас не видел. Кто ваш юный друг? Я еще не имел удовольствия с ним встретиться».

Мы представили ему Роджера и объяснили, что не могли увидеться с ним в последнее время, потому что показывали Роджеру страну его новой жизни.

«Как вы?» - спросила Рут.

«Ах, моя дорогая, никогда не чувствовал себя лучше. Как вы думаете, можно ли чувствовать себя лучше, чем сейчас?»

«Я бы тоже хотел это знать, сэр», - ответил Роджер.

«Вот, мой дорогой! Этот молодой человек полностью поддерживает меня. А что скажет эта мудрая головка?» – и он взял Рут под руку.

«Я не знаю, - ответила Рут с улыбкой. Не представляю, можно ли чувствовать себя лучше, чем сейчас. Возможно, это вопрос сравнения».

«Вот и именно, и в сравнении с тем, как я чувствовал себя когда-то, это идеальное состояние. Это можно было бы назвать вновь обретенным раем, если бы я был уверен в том, что когда-то его имел и потерял. Однако, давайте войдем, и пусть наш новый друг посмотрит, как выглядит коттедж духовного мира».

Небольшое жилище было чистым и аккуратным как изнутри, так и снаружи. Все было расставлено со вкусом и изяществом, чтобы создавать комфорт и удовольствие. Мебель в комнате, куда мы вошли прямо из сада, была в старинном стиле, хорошо сработанная и приятная на вид. Она была блестящая и в ней отражались большие чаши с цветами, стоявшие повсюду. Остальные комнаты, как наверху, так и на нижнем этаже, были обустроены подобным же образом и демонстрировали внимание и заботу своего хозяина.

«Не побоюсь сказать тебе, дружище Роджер, что этот дом сильно отличается от того места, где я жил, когда впервые оказался в духовном мире. Рут и монсьеор, и, конечно, Эдвин расскажут тебе об этом. Кстати, где Эдвин? Почему он не с вами?»

«Он очень занят в последнее время, - ответила Рут, - и мы его почти не видели, за исключением одного мимолетного визита. Роджер это наш собственный случай – ты не против, что мы называем тебя случаем, Роджер? - и мы решили показать ему на досуге, что и как».

«То же самое, что делал для вас Эдвин. Помните свой первый визит ко мне? Ну, конечно же. Я никогда его не забуду».

«Если можно, расскажите об этом Роджеру».

Наш друг подумал минуту. «Почему бы и нет, если вы хотите, - ответил он. – Но он должен знать, что сначала я жил в таком ужасном месте, просто ужасном!»

На земле, Роджер я был удачливым бизнесменом. Бизнес занимал все мои мысли, я не думал больше ни о чем и считал, что в моих сделках все средства хороши, если они в рамках закона. И пока они были законны, все остальное не имело значения. Я был безжалостен в достижении целей, и это в соединении с моей высокой работоспособностью помогло мне добиться большого успеха в коммерции. В моем доме был только один человек, с которым следовало считаться, – это я. Все остальные делали то, что им скажут, а слово было за мной.

Я всегда щедро жертвовал на благотворительность, когда полагал, что это принесет мне выгоду и уважение, потому что не признавал анонимности. Делая пожертвования, я заботился о том, чтобы мое имя получало должную огласку. Конечно же, я поддерживал

церковь в том округе, где жил, и за мой счет она была расширена несколькими пристройками, при этом на имени донора был сделан особый акцент.

Поэтому когда пробили мой час, и я оказался в духовном мире, в том самом ужасном месте, о котором я уже говорил, я воспринял это как чудовищную несправедливость. Церковь обманула меня, Роджер. Она сулила мне рай в награду за все, что я для нее делал, а что я получил?

И тут появился Эдвин. Он пытался поговорить со мной, чтобы разобраться в моей жизни, помочь мне изменить свое положение, но я был слишком упрям и не желал никого слушать. Чувство несправедливости ослепляло меня, Роджер, и я наговорил Эдвину много глупостей. Тогда он просто встал и вышел, оставив меня в одиночестве.

Наконец он вернулся, но в этот раз не один, а двумя своими друзьями и еще одним человеком, которого я частенько видел в наших местах. Двое друзей были те, кто сейчас заботится о тебе, Роджер, - монсеньор и Рут.

Оглядываясь назад, я понимаю, что тот визит стал поворотным пунктом. Рут и монсеньор скромно стояли в моей комнате за спиной Эдвина, пока он говорил со мной. Я чувствовал, что мой гнев начинает проходить, а мои глаза невольно обращались к Рут, и тут для меня впервые забрезжил свет, если можно так выразиться.

Присутствие Рут напомнило мне, что у меня есть собственная дочь, с которой я обращался так же отвратительно, как и со всеми остальными. Между Рут и моей дочерью не было внешнего сходства, это было скорее сходство характеров, насколько я могу судить. Однако, что бы то ни было, но я почувствовал себя иначе. Таким образом, вместе с тем, о чем много раз говорил мне Эдвин, это подействовало на меня. После того, как мои посетители ушли, меня охватило страшное одиночество и глубокое раскаяние, такое сильное, что я громко рыдал в отчаянии, моля о возвращении Эдвина, что раньше я с таким презрением отвергал.

Представьте себе мою радость и удивление, когда я увидел Эдвина, направлявшегося к моему дому, почти в то же мгновение, как я зарыдал. Я встретил его в дверях, и я был уже, как он сам вам об этом расскажет, совсем другим человеком.

Первое, что я сделал, это поблагодарил его за скорое возвращение – а ведь я не привык благодарить людей. Затем я извинился за то, что наговорил ему раньше, но он лишь отмахнулся от моих слов с сияющей улыбкой, говорившей о том, как он рад тому, что я, в конце концов, становлюсь другим человеком, нежели тот напыщенный эгоист и мерзавец, каким я прибыл в духовный мир.

Эдвин сел и начал обсуждать со мной пути и возможности выхода из той адской дыры, которая до сих пор была моим домом. Мы наметили план действий. Решения принимал Эдвин, а я полностью доверился ему, и мы договорились, что я еще некоторое время останусь здесь, но он придет по первому моему зову.

После того, как он ушел, я огляделся в своем доме, и каким-то необыкновенным образом он показался мне светлее, чем был раньше. Он, несомненно, стал менее мрачным, а моя одежда выглядела уже не такой поношенной, и от этого открытия я почувствовал себя счастливее.

Я не стану утомлять вас рассказом о тех усилиях, огромных усилиях, которые мне пришлось приложить, чтобы исправить свое прошлое. Это был тяжкий труд, но рядом всегда были мои друзья. Мне не нужно было даже выходить из этой комнаты, чтобы увидеться с ними, по крайней мере, с двумя из них.

Тот я, которого ты видишь, Роджер, отличается от меня прежнего, как небо от земли, но я все еще продолжаю работать и счастлив этим. Что я делаю? То же самое, что делал для меня Эдвин – помогаю таким же, каким был сам. С ними легче столкнуться, если ты сам был одним из них», - добавил он с улыбкой.

«Меня утешает только одно, - продолжил он, - на земле обо мне порядком забыли. Иначе они подумали бы, что я хуже, чем старина Скрудж, и указывали бы на то, что Скрудж, в конце концов, исправился и стал порядочным человеком, а я до конца своих дней так и не раскаялся. Совершеннейшая истина, но они не знают того, что я с тех пор несколько изменил свои взгляды, и они не узнали бы во мне того, кем я был раньше.

И все же однажды они это узнают, и, клянусь, для них это будет большой сюрприз!»

XII. Глупость философов

«Ты можешь сказать, Роджер, что этот мир – скучная имитация земного?» - спросил я нашего юного друга.

«Господи, конечно же, нет. Кто говорит, что это так?»

«Тот джентльмен, которого я имею в виду, кстати, не единственный в своем роде, живет на земле, и его друзья и еще несколько человек, зарабатывающих на нем деньги, считают его философом. На самом деле он знает чуть-чуть кое о чем, но не стесняется говорить много обо всем. Его друзья и поклонники считают его великим прорицателем и замирают при каждом его слове – я думаю, это правильное выражение. У него всегда род рукой готовые заявления на любую возможную земную тему. Рано или поздно речь заходит и о неземном. Кто-то может спросить его, верит ли он в потусторонний мир, и что он собой представляет. И вот тут начинаются проблемы.

Великий философ – а тех, кто совершенно незаслуженно получил это звание, много – об этом ничего не знает, но это для него не помеха. Он обращается к литературе по этой теме, которую сам не читал, а лишь краем уха о ней слышал. Одна из его самых нелепых мыслей воплощена в вопросе, который я тебе задал: духовный мир является скучной имитацией земного, представляющего собой, по его оценке, несравненно лучшее место для жизни.

Другое его высказывание касается духовных учений, которые время от времени передаются нами на землю. Ты помнишь библейское высказывание о любви к ближнему, Роджер? Хорошая вещь, правда?»

«Да, я слышал такие проповеди, когда ходил в церковь».

«Я думаю, это было нечасто. Я имею в виду посещения церкви». Роджер с Рут засмеялись. Наш юмор и шутки, может, и не совсем искрометны, но мы и не стремимся к этому. Мы подшучиваем друг над другом так же, как это было на земле в кругу друзей. И я хочу, чтобы вы знали – в этом мире нам нравится иметь такие дружеские и семейные

кружки. Мы сохраняем наши добрые шутки, какими бы незначительными они ни казались. Юмор – неотъемлемая часть нашей жизни, нам нравится вызывать улыбку у наших друзей, а мы, в свою очередь, сами радуемся их шуткам. Иными словами, мы остаемся людьми, хотя земные представления о нас совершенно противоположны. Несомненно, многое из того, о чем я рассказываю, может показаться вам банальной чепухой. На это можно сказать одно – это далеко не такая банальная чепуха, как напыщенные высказывания земных философов на тему потустороннего мира и его обитателей. Что эти господа думают обо всем этом, когда оказываются здесь, это уже совсем другой вопрос.

«Скажи, Роджер, когда ты слышал такие проповеди о братской любви, ты считал эти учения правильными и разумными?»

«Конечно».

«Ты прав. Изначально это наставление исходило от человека, который знал, о чем говорил. И наши великие философы в этом случае согласны с проповедником. Духовные учителя тоже повторяют об этом с незапамятных времен и будут повторять до тех пор, пока существует земной мир. И как ты думаешь, как высказывается по поводу таких учений из духовного мира наш господин философ?»

«Понятия не имею».

«Высокопарный религиозный бред. Прекрасно, не правда ли? Достоин великого мыслителя. Священники проповедуют с кафедры любовь к ближнему, и он полностью соглашается с этим. Но когда об этом говорит учитель из духовного мира, это становится высокопарным религиозным бредом».

«Монсеньор очень остро реагирует на эти вещи, Роджер, - заметила Рут, - как и все мы здесь, потому что рано или поздно кто-то из этих господ оказывается здесь, и для того, кто берет его под свою опеку, начинается тяжелая работа».

«Видишь ли, Роджер, проблема не только в самих этих господах. Их пагубные взгляды подхватываются их не слишком просвещенными последователями, которые считают их истиной в последней инстанции, и если не произойдет ничего, что заставит их изменить свои взгляды, значит, к нам будет прибывать все больше людей в таком же состоянии невежества».

«Иными словами, - резюмировал Роджер, - земные ошибки приходится исправлять здесь».

«Совершенно верно. В случае с тобой мы с Рут просто отдыхаем. Отдельные ситуации усложняются тем, что вновь прибывший ничего не знает об этой жизни, но имеет о ней совершенно ложное представление. Ты тоже ничего не знал, но к счастью, не имел о ней никаких представлений. Это сказано не в укор тебе – ты знаешь об этом, дружище. Но у тебя была светлая голова, свободная от всяких глупых мыслей».

Одно из самых бессмысленных заявлений этих ученых господ заключается в том, что все собеседники из духовного мира – англичане. То есть, фактически, весь духовный мир целиком английский, исключая все другие национальности».

«Люди в других странах могли бы сказать то же самое».

«Именно. Французы могли бы сказать, что весь духовный мир, похоже, состоит только из французов, потому что во Франции духовными собеседниками являются они. И то же самое могут сказать в любой другой стране мира. Представляешь, что могло бы произойти, если бы эти высокоинтеллигентные и скептически настроенные философы встретились по одному представителю от каждой нации? Каждый заявлял бы, что духовный мир принадлежит только его стране. Могла бы возникнуть ситуация, похожая на ту, что мы наблюдаем на международных конференциях по сохранению мира».

«Полагаю, что в других странах люди умирают так же, как и мы».

«Ты правильно предполагаешь, мой мальчик. Это очевидно, но, видимо, не настолько, чтобы это поняли наши философы».

«А эта часть духовного мира – английская?» - поинтересовался Роджер.

«А что бы ты сказал, судя по внешнему виду?»

«Я бы сказал, что, допуская различия между этим миром и земным, это больше похоже на наш привычный родной ландшафт».

«Это так, и дома тоже похожи. Но мы еще не уходили далеко от дома. Ты еще не видел ни более высоких холмов, ни гор. Но они есть. А что бы ты сказал о людях, с которыми ты до сих пор встречался?»

«Ну, это вы с Рут, и еще вы говорили об Эдвине».

«Все трое англичане, как и ты».

«Еще Сияющее Крыло и Омар, и его друг».

«Совершенно верно. Первый – американский индеец, второй – халдей, третий – египтянин. Почти интернационал. Ты забыл про нашего друга из коттеджа – еще один англичанин.

Мой вопрос – среди представителей какой национальности ты ожидал оказаться, когда покинешь земной мир?»

«Никогда над этим не задумывался. Среди англичан, наверное».

«Ты говоришь еще на каких-нибудь языках?»

«Нет. Ну, может, помню чуть-чуть школьной латыни».

«Значит, для тебя было бы крайне проблематично очнуться среди китайцев, например».

«Я бы, наверное, умер от страха».

«Боже мой, с какой стати? Китайцы – милейшие люди, доброжелательные и внимательные и всегда готовы помочь. Видишь, дружище, то, что ты говоришь, указывает на глупость наших господ-философов и их ложные представления о том, что духовный

мир должен быть целиком английским. Среди них нет ни одного, кто не чувствовал бы то же самое, что ты сейчас сказал.

Мы с Рут встречались с некоторыми из них, и они были очень рады услышать свой родной язык, английский, такой же, на котором мы говорим с тобой. И то же самое происходит с французами, китайцами и всеми остальными.

Как ты уже знаешь, общение с помощью мысли устраняет все языковые проблемы. В этом процессе национальность не имеет значения. Но когда люди просыпаются в этой стране, они сразу используют свои речевые органы, и мы тоже. Это естественно.

Какие у тебя были впечатления, когда ты открыл глаза в нашей комнате рядом с распахнутым окном?»

«Ну, у меня было ощущение чего-то домашнего. Комната была такой, к которой я привык, и вид за окном тоже был совершенно привычный».

«Правильно. Так и должно быть. Видишь ли, за всем этим стоит Разум и закон, и ничто из того, что говорят или думают «мудрые» люди на земле, не может этого изменить».

«Тогда другие национальности, должно быть, живут где-то в другом месте? Звучит глупо – конечно же, они где-то живут».

«Да, Роджер, Каждый земной народ имеет свое место проживания в духовном мире. Людям нравится быть среди себе подобных, и почему это должно быть иначе? Думаешь, было бы правильно заставлять людей разных национальностей, разных национальных характеров жить рядом друг с другом? Во всяком случае, не сразу.

Теперь что касается самой страны. Каждый народ предпочитает свою собственную модель страны, какими бы замечательными ни были все остальные. И здесь он это находит. И это тоже правильно и естественно».

«А как же Омар и его друг?»

«Ах, они относятся совсем к другой категории. Там, где они живут, национальности не имеют значения, потому что сами люди находятся выше или вне какой-либо национальности.

Сияющее Крыло еще один из них. В своей сфере он теряет национальность, но не свойственные ему расовые особенности. Я надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю».

«Боюсь, не совсем».

«Это не твоя вина, а моя. Я имею в виду то, что Сияющее Крыло сохраняет свои характерные особенности так же, как Омар. Но национальность, представителем которой он раньше являлся, утрачивает свое значение для него до такой степени, что и Сияющее Крыло, и Омар считают, что у них нет национальности или что они всех национальностей».

«Я заметил, что Омар и его друг говорили по-английски без всякого акцента».

«А ты можешь назвать хоть одну причину, почему он не должен говорить по-английски или на каком-либо другом языке?»

«Ну, если он хочет, то почему бы и нет?»

«Если он этого хочет. Именно так, Роджер, если это облегчит его работу, то почему бы и нет?»

У Омара много друзей на земле, наших общих друзей. Ему нужно было как-то с ними разговаривать. Вначале он не говорил по-английски, а они, конечно же, не знали ни одного слова по-халдейски. Что было делать? С самого начала было ясно, что они не выучат халдейский, и так же ясно было, что он может легко выучить английский. И он совершенно спокойно его выучил.

Ты знаешь, на что способна здесь память. Все, что запоминается однажды, остается навсегда. И так Омар мог бы выучить любой язык и бегло на нем говорить, пока земные люди только раздумывали бы, как это сделать. Ты помнишь, что Сияющее Крыло достаточно хорошо знает наш язык, чтобы быть понятым в той мере, в какой это необходимо для его работы на земле. Омар тоже хотел, чтобы его понимали, но несколько по-другому, в более широком смысле. Он хотел охватить более широкий спектр вопросов, поэтому более глубоко занимался английским языком. И то же самое касается всех нас. Если ты, друг мой, захочешь выучить какой-нибудь язык, либо для того, чтобы активно использовать его в разговоре, либо чтобы читать на нем книги, ничто не мешает тебе сделать это. Ты можешь начать прямо сейчас. Тысячи из нас этого не делают, потому что им это не надо.

Знаешь, Роджер, чем выше ты поднимаешься по лестнице духовного прогресса, тем меньше ты думаешь о национальности и о языке, если только у тебя нет работы на земле, требующей от тебя использования какого-либо другого языка, кроме твоего родного».

«А как здесь можно попасть в другую страну?»

«По-разному. На своих двоих, например».

«Монсеньор, что за тон? Вы укоряете Роджера за использование сленга, а как выражаетесь вы?» - воскликнула со смехом Рут.

«Видишь, Роджер, какое дурное влияние ты оказываешь. Я тут так тщательно подбирал выражения, чтобы не употребить ни одного слова, которое могло бы вызвать неодобрение земных людей, считающих, что мы должны говорить так, словно обращаемся к вселенскому собору или еще чему-то такому же скучному. Дурное общение развращает хорошие манеры».

«То есть в этой сфере нетрудно попасть в другие страны, точнее, в те части, где проживают люди из других стран земли?»

«Ты сейчас подумал о границах, не так ли? Границ нет. Ты можешь приходить и уходить, когда пожелаешь, и, более того, тебе будут всегда рады, так же, как жителям других стран будут рады здесь. Фактически, если ты отправляешься в странствие, ты вряд ли почувствуешь, что был «там», за исключением некоторых различий в ландшафте и в жилых домах».

Существует только одна граница, которую ты переходишь в этом мире, это граница между сферами, и она невидима. Есть только усиление и ослабление света, Если бы этого не было, тогда некоторые неприятные, крайне неприятные субъекты попытались бы пробраться в более высокие сферы. Или, может быть, кто-то из нас попытался бы замахнуться повыше. В этом случае вступает в силу естественный закон, и, подобно любому другому закону здесь, он действует без сбоев и помех. В этом вся прелесть. Никто не настаивает на своих правах. С естественным законом не поспоришь.

В том, что касается этих сфер, ты мог бы с полным правом назвать их Космополис, потому что можешь встретить здесь представителей любой национальности, которые приходят, уходят, а кто-то остается».

«Приходят и уходят – это я понимаю. А что значит остается?» – спросил Роджер.

«Самый лучший ответ на твой вопрос это практическая демонстрация, хотя одна уже была, но ты ничего не понял».

«Правда?»

«Это наш друг Сияющее Крыло».

«Так значит, он не отсюда?»

«Конечно, нет».

«Странно».

«И даже очень».

«Монсеньор – настоящий источник мучений для тебя, Роджер, - вмешалась Рут, - не обращай на него внимания. Я знаю, что он имеет в виду. Пойдем, мы наведем еще кое-кого».

И с этими загадочными словами мы повели нашего юного друга в гости к своему знакомому, проживавшему в некотором удалении от нашего дома.

XIII. Дом в лесу

«А теперь, монсеньор, объясните мне простыми словами, что вы имели в виду, когда говорили о том, что некоторые остаются».

«Правильно, Роджер, - заметила Рут, - будь понастойчивей».

«Конечно же, друг мой, в этом нет тайны. Я имел в виду, что в некоторых сферах здесь живут люди, которые благодаря своему духовному прогрессу получили право жить в более высокой сфере».

«Тогда зачем же они остаются?»

«Потому что для этого, Роджер, могут быть веские причины. Некоторые предпочитают остаться по личным соображениям, например, из-за любви между двумя людьми. Может случиться, что два человека, между которыми существуют тесные узы, относятся к разным уровням духовного прогресса и поэтому являются обитателями разных сфер. В этом случае нередко тот, кто имеет право жить в более высокой сфере, остается с тем, кто еще недостаточно продвинулся в своем развитии, до тех пор, пока он не достигнет такого же прогресса, и тогда они оба переходят в более высокую сферу. Это один пример.

Есть и еще одна, думаю, более частая причина, когда какое-то занятие удерживает людей, поглощенных своей работой, в более низкой сфере. Наш друг Сияющее Крыло – один из них. Они работают на благо инкарнированного человечества, Роджер, и хотя проводят много времени здесь, постоянно навещают свои дома в высшей сфере, так что являются жителями обеих сфер. Они живут двойной жизнью».

«На словах звучит ужасно!» - воскликнула Рут.

«Еще бы. Тысячи людей живут двойной жизнью, если уж об этом говорить. Во время бодрствования они на земле, а во время сна – в духовном мире. Именно так происходят приятные встречи друзей и родных, Роджер. Но это уже другая история».

Мы уже прошли некоторое расстояние, добравшись до поросшей лесом местности, и вошли в красивый сосновый бор. Наконец перед нами открылась просека с симпатичным домиком, не очень высоким, но широким, словно несколько бунгало были составлены вместе, образуя единое целое. Вокруг росло множество цветов, но не было заметно ни одной попытки превратить окружающую дом территорию в нестоящий сад. В этом местечке чувствовалась какая-то природная дикость, однако не было ни одного намека на беспорядок. Оно казалось прибежищем мира и покоя, но это не было чем-то исключительным, потому что мир и покой можно найти и в самом сердце города.

Мы с Рут много раз навещали этот дом, но для Роджера все было новым, и, учитывая это, хозяин уже ждал нас у входной двери.

«Дорогой монсеньор, Рут, - приветствовал он, - вы пришли вовремя. У меня есть кое-что для вас, по крайней мере, для Рут».

Мы представили Роджера и вкратце объяснили цель нашего визита. Наш друг и Роджер обменялись теплыми приветствиями, и нас пригласили войти.

«Называй нашего друга Петр Ильич, - прошептал я Роджеру, - и готовься к сюрпризам».

Один из них нас уже ждал. Нас провели в просторную комнату, которая служила одновременно и гостиной, и рабочим кабинетом. У широкого окна стоял большой стол, на котором громоздилась гора нотной бумаги, частично уже исписанной, в то время как другая, неиспользованная часть, еще ждала своего часа, и было очевидно, что работа идет полным ходом.

Вдоль стены стоял диван, на котором сидел еще один наш старый друг. Он встал, когда мы вошли. Его представили Роджеру как Франца-Йозефа, и он снова занял свое место.

Внимание юноши сразу привлекла приятельница Франца. На диване растянулась наша старая знакомая – пума, с которой играл Франц-Йозеф, а на подлокотнике сидел серый воробышек, усердно занятый тем, что упражнял свои легкие неутомимым щебетом.

«Вы уже встречались раньше, это сразу видно», - заметил Петр Ильич, потому что птица сразу подлетела к Роджеру и уселась на его вытянутый палец.

Мы спросили Петра, что эта парочка делает в его доме.

«Я как-то был у них дома и наблюдал за их шалостями. Внезапно у меня в голове возникла мелодия, которая в точности отражала их игру. Я подумал, что она слишком хороша, чтобы упустить эту возможность, и взял их на время у Сияющего Крыла, чтобы понаблюдать за ними на досуге у себя дома. Он был так любезен, что одолжил их мне на неопределенное время. Их представления никогда не повторяются в точности. Я полагаю, вы знаете, Роджер, что Сияющее Крыло - их Главный Опекун и Большой Друг, действующий по специальному поручению своих земных друзей, которые также являются лучшими товарищами этих проказников. Я как раз работал над этой музыкой, когда вы пришли».

«Значит, мы сильно вам помешали?» - спросила Рут.

«Ни в коем случае, милая леди, - ответил Петр.- Когда я сказал, что у меня есть кое-что для вас, я имел в виду эту пьесу. Вариант для фортепиано уже готов. Я подумал, вам захочется ее получить. Сейчас я работаю над аранжировкой для оркестра, которая, несомненно, будет очень впечатляющей. Она будет несколько отличаться от фортепианной версии – более полновзвучная, чуть больше эффектов. Роджер интересуется такими вещами?»

«Да, очень. Я сыграла ему на органе скерцо, которое вы написали для меня, и вы знаете, эта сфера – он был просто в восторге от нее, и у него было много вопросов. Это была одна из причин нашего визита, помимо нашего желания познакомиться с вами. Он не подозревает - по крайней мере, я так полагаю – кто вы, хотя монсеньор предупредил, чтобы он готовился к сюрпризам. Один из них он уже получил, увидев здесь этих животных. Я уверен, он не знает и того, кем является Франц-Йозеф».

«Ну, что же, милочка, мы несколько изменились с тех пор, как оказались здесь».

Роджер забавлялся с пумой и птичкой, не обращая внимания на нашу беседу.

Через некоторое время Рут позвала его. «Роджер, дорогой, - спросила она, - ты помнишь пьесу, которую я вам сыграла в церкви? Петр написал для меня еще одну».

Роджер присоединился к нам за столом и начал переводить внимательный взгляд с Петра Ильича на бюст, стоявший на тумбочке и изображавший мужчину средних лет с аккуратно подстриженной бородой. Петра позабавила такая явная попытка сравнения.

«Чувствуешь сходство, Роджер? – спросил Петр. – Ты совершенно прав. Так я выглядел на земле. Я держу здесь этот бюст не из тщеславия, а лишь потому, что это прекрасная работа».

Скульптура действительно была произведением искусства.

«Это сделал человек, который меня знал, - продолжил Петр. – Как ты думаешь, Роджер, я стал лучше выглядеть?»

«Господи, вы ставите меня в неловкое положение, - растерялся Роджер. – Если я скажу, что да, то это значит, было, что улучшать, а если нет, то... о Господи!»

Юноша пришел в полное замешательство, и все мы, включая Петра, дружно посмеялись над его смущением. Конечно же, Петр был сейчас в расцвете лет и так же, как Франц, внешне выглядел совсем молодым.

Роджер не мог удержаться от искушения спросить Петра, что содержалось в толстых томах, стоявших на полках, и он попросил извинения за свое любопытство. Тому, кто был незнаком с оркестровыми партитурами, манускрипты могли показаться необычными по размеру. Роджеру объяснили, что это работы нашего хозяина, и он поразился их огромному количеству.

«В этом нет ничего удивительного, друг мой, ответил Петр. – Я здесь уже довольно долго, и я не терял времени даром. Очень смешно слышать, когда на земле перед концертом по радио объявляют, что это последнее произведение такого-то и такого-то. Последнее произведение. Конечно, понятно, что имеется в виду, и все же это кажется забавным, особенно, когда смотришь на эти полки. Наверное, все уверены в том, что покинув землю, мы перестаем сочинять музыку».

Я поспешил заверить его, что это так.

«Поэтому нам и воздвигают памятники и монументы, дружище, - сказал Франц-Йозеф. Они считают, что с нами покончено. И они совершенно уверены в том, что знают, о чем мы думали, когда писали ту или иную пьесу, большую или маленькую. А если бы мы назвали им простую причину – спастись от голода – то им бы это не понравилось. Это не достаточно романтично. Ах, это жизнь! А что вы скажете, друзья мои?»

Стоит ли говорить, что мы были полностью с ним согласны!

«А теперь, Петр, - добавил Франц-Йозеф, - сыграй свою пьесу, я с удовольствием послушаю ее еще раз».

Петр подошел к большому пианино, стоявшему в углу – это был великолепный инструмент – и начал играть. Не буду пытаться совершить невозможное, описывая то, что он играл. Рассказывать о музыкальном произведении словами – бесполезное и бесплодное занятие, потому что читателю это не говорит абсолютно ни о чем. Самое большее, что можно сделать, это описать некоторые технические детали, которые тоже мало о чем говорят. Достаточно будет сказать, что музыка передавала в общих чертах игру двух животных – птицы и пумы, их забавное представление, которое мы наблюдали дома у Сияющего Крыла. Музыка то нарастала, то стихала, имитируя то, что происходило между двумя животными, их внезапные повороты и трюки. Больше этого словами передать невозможно, разве что добавить, что это было скерцо, как и можно предположить по характеру «программы».

Когда пьеса закончилась, Рут выразила свое восхищение, и все мы дружно ее поддержали, особенно Франц, который искренне отдал должное своему коллеге.

«А как насчет оркестровой аранжировки? – спросила Рут - Когда мы сможем ее услышать?»

«Очень скоро, я надеюсь, - ответил Петр. – Она войдет в программу вместе с другими произведениями. Мне сообщить вам, когда это будет?»

«Да, пожалуйста».

Пока играла музыка, Роджер стоял спиной к полкам, но теперь он повернулся и читал названия манускриптов. Мы с Рут присоединились к нему, чувствуя, что в любую минуту он может сделать интересное открытие.

Партитуры были аккуратно расставлены по роду музыки – это были произведения, которые Петр написал на земле. Роджер проводил по ним пальцем, читая названия. Когда он добрался до Симфонии №6, Петр заметил: «Эту вещь всегда объявляют как последнее произведение композитора. Это демаркационная линия, Роджер, между тем, что я написал на земле, и тем, что я создал после этого».

Было совершенно очевидно, что второе по объему значительно превышает первое.

«И все же это почти ничего, - продолжил он. И то же можно сказать обо всех нас. Возьмите Франца-Йозефа. Он написал бесчисленное множество произведений. Их количество уже исчисляется четырехзначной цифрой, Роджер, и если бы мы не обладали феноменальной памятью, мы запутались бы, сколько в действительности мы сочинили».

«А где легче сочинять музыку?» - спросил Роджер.

«О, конечно же, здесь, без всякого сомнения. Учти, что мы свободны от всего, что так часто нам мешало. Франц-Йозеф упомянул недоедание. Можешь назвать это настоящим голодом. Иными словами, забота об удовлетворении физических потребностей. Здесь мы от нее избавлены. Равнодушие публики – слава Богу, здесь этого нет. Трудность донести свои работы до слушателя и получить признание – здесь это не проблема. У нас есть чудесное жилье – например, этот домик. Франц тоже живет в очаровательном доме, где он счастливо проводит день за днем, а день здесь очень длинный, как ты, Роджер, я надеюсь, уже заметил. Что здесь еще хорошего?»

«Нет музыкальных критиков, - ухмыльнулся Франц-Йозеф, - хотя мне, к счастью, не довелось страдать от этих странных людишек. Не подумайте, что моя музыка была настолько идеальна, просто я жил в то время, когда музыкальная критика еще не являлась темой разговора для каждого невежды, считающего, что он что-то понимает в музыке. Сейчас, как я понимаю, это вошло в обычай на земле. Ваша страна была очень благосклонна ко мне, друзья мои», - добавил он, обращаясь к нам.

«И ко мне тоже, - сказал Петр. – Хотя все они считают нас мертвыми. Только подумай, Франц, какую бы сенсацию мы произвели, если бы со всеми остальными взошли на какую-нибудь концертную площадку на земле, один за другим или держась за руки. Какой бы это вызвало переполох! Подумай, сколько денег мы бы заработали, и сколько бы заработали на нас».

«Последнее более вероятно», - заметил Франц.

«А потом взялись бы за дело критики. Они разрезали бы наши симфонии и другие вещи на мелкие кусочки и поместили бы их под свой музыкальный микроскоп, указывая нам, где мы что-то сделали не так, как мы должны были это сделать, и о чем мы думали, когда писали свою музыку. И никто бы не понял ни слова из того, что они сказали, и менее всего они сами. Но они были бы очень довольны собой, воображая себя людьми высшего порядка. Нет, я не думаю, что это было бы забавно. Здесь нам намного спокойнее. Мы среди друзей, мы избавлены от всех проблем и забот, и особенно, от самого большого ужаса – страха исписаться. У нас всегда найдутся слушатели, и нам не нужно идти со шляпой в руке к какому-нибудь типу, который будет нас эксплуатировать. Так приятно быть среди своих коллег, добродушно подшучивать друг над другом, зная, что за этим не кроется никаких злых намерений. Жаль, что на земле больше не осталось композиторов, которых можно было бы назвать таковыми».

«А они вообще есть?» - спросил Франц.

«Кажется, все они давно уже присоединились к нам, - ответил Петр. - А вы что скажете, монсеньор?»

«Ну», - начал я, но тут вмешалась Рут.

«Знаете, Петр, при малейшем поводе монсеньор приходит в ярость. С тех пор, как он познакомился с вами и начал обучаться у вас, он очень откровенно высказывается о земных композиторах».

«Видите ли, в чем дело, - попытался объяснить я сквозь смех, который вызвали слова Рут, - чтобы дать истинную картину этого мира, нужно говорить правду. Это очевидно и элементарно. Факт, что на земле в данный момент нет настоящих композиторов. Я заявляю это с полной ответственностью. Ныне живущие композиторы не достойны этого звания. Ты правильно заметил, Петр, все истинные мастера давно уже присоединились к нам здесь. Музыканты продолжают приходить к нам, но они оставляют на земле свои ужасные творения, и с теми, что приходит им на смену, будет то же самое.

«Говорят, на земле все духовные откровения закончились. То же самое можно сказать и о настоящей музыке».

«Мы слышали об этом, - сказал Петр, - но неужели все действительно так плохо? Я имею в виду в музыке?»

«Да, это так. Я не преувеличиваю. Рут поддержит меня, потому что сама кое-что слышала. Роджер совсем недавно покинул землю. Ты когда-нибудь слушал то, что называют «современной» музыкой, Роджер?»

«Да, но не много. Я просто не выдержал».

«Мы время от времени слышим об этом, - заметил Петр, - но мы даже не подозревали, что все так ужасно. А что говорят обо всем этом наши любезные критики?»

«Замечательные вещи. Они превозносят это как творения великого гения и обманывают публику, заставляя ее поверить в то, что та или иная пьеса удивительно мелодична, в то время, как мелодичности в ней днем с огнем не сыщешь. И то же самое можно сказать о

живописи. Вы просто не представляете, какая ужасная мазня приобретается за фантастические деньги для публичных выставок. Кошмар – это еще мягко сказано».

«Но как вы объясните то, что общество принимает все это?»

«Возможно, здесь две причины: некая форма умопомешательства или чудовищная мистификация. Принимают и ужасные картины, и отвратительную музыку. Это образ жизни на земле – культ всего отвратительного, уродливого и чудовищно безобразного. Этот яд просочился во все виды искусства».

«О, господи, - заметил Франц, - после того, что вы сказали, монсеньор, я рад, что мы подальше от всего этого».

Нас позабавило замечание Франца, потому что он оказался в духовном мире задолго до того, как в искусстве начался упадок. Петр Ильич тоже находился здесь уже довольно долгое время.

Петр подошел и встал рядом с Роджером, который продолжал изучение музыкальных партитур.

«Можно мне посмотреть это поближе?» - спросил он.

«Конечно же, мой дорогой, делай все, что тебе хочется, - ответил Петр, - здесь нет формальностей».

«Да, я знаю, сэр, монсеньор и Рут все время говорят мне об этом. Но я еще не привык».

«Это придет с опытом, - улыбнулся Петр, - начинай прямо сейчас».

«Вы знаете, они мне показывали этот мир, и все здесь так добры и любезны. Начинаешь чувствовать себя очень значительным человеком. Монсеньор и Рут потеряли из-за меня ужасно много времени».

«Не потеряли, Роджер, не потеряли, - ответил Петр. – Здесь никто не теряет времени. Здесь нет времени, чтобы его терять. Звучит двусмысленно, правда? Может означать все, что угодно».

«Ты должен кое-что знать, Роджер, - сказал я, беря одну из партитур. – Ты разбираешься в нотах?»

«Боюсь, не очень».

«Ну, что же, тогда ты, может быть, узнаешь эту мелодию?» - и я напел мотив, знакомый всему миру, что весьма позабавило Петра.

«Боже мой, - воскликнул Роджер, и это...»

«...из партитуры, которую держит в руках монсеньор», - закончил Петр.

Я передал манускрипт Роджеру, который перевел взгляд с нее на Петра, затем открыл первую страницу, прочитал название и имя композитора, и у него перехватило дыхание.

Франц с дивана наблюдал за происходящим. «Ну, что, Роджер, наконец-то ты открыл страшную тайну. Это отвечает твоим ожиданиям? Или ты ждал другого?»

«Итак, Роджер, мы обещали тебе сюрприз, и мы сдержали слово. А теперь нам пора. Поступило сообщение, что нас собираются навестить. Так что возвращаемся домой».

Мы поблагодарили Петра за гостеприимство, а Рут напомнила ему о новом скерцо. Он пообещал известить нас, когда оно будет звучать в исполнении оркестра и позвать нас, чтобы вместе послушать и посмотреть премьеру.

Пока мы возвращались домой, Роджер выразил свое удивление и восхищение тем, что можно так просто разговаривать и шутить с человеком, имя которого у всех на устах и в том и в другом мире.

«Франц-Йозеф так же знаменит, Роджер, - добавила Рут. – Это удивительный человек. Он написал более ста симфоний, когда жил на земле».

XIV. Два гостя

«Я заметил, - сказал Роджер, - что здесь не используются фамилии. Я не знаю ни вашей, ни Рут».

Мы возвращались домой после посещения домика в лесу, и наша беседа с друзьями-музыкантами, видимо, породила целую цепочку мыслей в голове нашего протее.

«Ну, что тебе сказать, Роджер, - ответил я, - дело в том, что фамилии утрачивают свое значение в этом мире. Вновь прибывшему может показаться, что имена используются несколько бессистемно – на этот счет нет определенного обычая или порядка. Это всегда вопрос самой личности, а не ее семейной принадлежности.

Определенный порядок существует только в отношении имен чисто духовного происхождения – они образуются в соответствии с правилами. Каждое из них имеет определенное значение и не относится ни к одному земному языку. Такие имена присваиваются после того, как будут заслужены и получить их можно только через сущностей из высших сфер.

В том, что касается идентификации личности, возьми, например, Рут. Каждый человек здесь в округе и в других местах знает ее как Рут, это узнаваемое земное имя так же, как и многие другие.

Мое же – это скорее предназначение, чем имя, а на земле это духовный титул. Ты помнишь, я говорил о том, что у нас здесь нет званий. Тут нет нарушения правил, потому что титул монсеньор, который я носил на земле, используется сам по себе и не связан с моим именем. Так начали называть меня мои друзья на земле, хотя они называют меня и по имени тоже. Поэтому слово «монсеньор» обезличено как титул, но используется в качестве моего имени из практических соображений».

«Я заметил, что никто из вас даже не поинтересовался моей фамилией», - сказал Роджер.

«Правильно, потому что в этом нет необходимости. Ты уже известен всем как Роджер, как ты сам уже успел заметить».

«И то же самое касается Франца-Йозефа и Петра?»

«Абсолютно то же самое. Мы отбрасываем фамилии за ненадобностью. Важнее то, что никто не возражает против дополнения «Ильич». Все довольны.

Помнишь, Роджер, когда мы говорили о возрасте личности, мы упомянули, что по мере возвращения к расцвету жизни внешность человека может изменяться до такой степени, что в нем уже не узнают того, кем он был раньше. Имена действуют подобным же образом.

Когда личности из высших сфер отправляются на землю, чтобы пообщаться с друзьями, они известны там под именами, которые специально для них выбраны или придуманы. Сейчас у нас такой же случай. Ты слышал, как я сказал Петру и Францу, что получил сообщение о том, что нас собираются посетить?»

«Да, но я думал, что это отговорка для того, чтобы уйти».

«Роджер, - возмутилась Рут, - что бы сказали земные люди, если бы узнали, что ложь – обычная на небесах практика заканчивать светские визиты?»

«Нам не было необходимости лгать им. Это избавляет от лишнего беспокойства и суеты».

«Тогда что бы вы сказали, если бы вам захотелось уйти, потому что вам стало скучно?»

«Я не знаю случаев, когда возникала бы такая ситуация. Что скажешь, Рут? Ты помнишь что-нибудь подобное?»

«Нет, - ответила Рут. – Ничего не могу сказать. С нами такое не происходило».

«Потому что такого не бывает, друг мой, и не может быть. Гостеприимство никогда не надоедает и никогда не наскучивает. Ты подозреваешь, что мы бессовестно солгали, чтобы красиво уйти от Петра с Францем. На самом деле мне передали сообщение, и все. Это было не срочно, иначе я не беседовал бы сейчас с вами просто так. Оно поступило от того, кто часто посещает землю, чтобы пообщаться с друзьями, и так как в тот момент мы отдыхали, и у нас не было никаких дел, я ответил, что мы в его распоряжении. Если бы сообщение поступило в тот момент, когда мы с Рут выполняли миссию сопровождения, как в твоём случае, Роджер, я объяснил бы, чем мы занимаемся и ответил бы, что мы ни при каких условиях не сможем принять никого, каким бы известным он ни был, потому что в этом случае у нас могли бы возникнуть проблемы. Здесь, Роджер, все происходит в рамках здравого смысла».

«Жаль, что на земле все не так», - сухо заметил юноша.

«У тебя все основания так говорить. Посетитель, о котором я говорю, видная персона из высшей сферы, но его подлинная личность скрывается под простым, но эффективным именем Голубая Звезда, и происходит оно от его персонального знака отличия, если можно так выразиться. Это великолепное украшение в форме звезды из сверкающих

драгоценных камней, более драгоценных, Роджер, чем все, что существуют на земле. Мы попросим его показать ее, когда он будет здесь».

«Он ее носит не постоянно?»

«В этой сфере не всегда, по крайней мере, не всегда открыто».

Сидя у окна, я мог заметить посетителя в тот же момент, когда он войдет в сад. Роджер догадался, почему я выбрал это место и спросил: «Здесь принято ходить в гости пешком? Я имею в виду, не проецируя себя мысленно сразу в дом?»

«Да, Роджер, это метод, который мы применяем во время своих визитов. Никаких правил на этот счет нет, только те, что диктует здравый смысл и хороший тон. Если присутствие крайне необходимо, мы можем использовать мысль в качестве средства перемещения туда, куда хотим попасть, и оказаться на месте без промедления. Однако в обычных обстоятельствах мы ведем себя как обычные люди - являемся на своих двоих и, если необходимо, стучим в дверь, хотя последнего я не припоминаю.

Постепенно ты увидишь, Роджер, что инстинктивно поступаешь правильно, поэтому не беспокойся об этих деталях. Посещение друзей на земле – это совсем другое дело. К тебе мы пришли быстро, чтобы забрать тебя, и не соблюдали формальностей. Если бы мы постучали в дверь, и твои родные услышали нас, я думаю, они пришли бы в ужас».

«Пожалуй, что так. Скорее всего, они подумали бы, что я плохо кончил, и что за мной пришел кто-то похуже, чем просто старуха с косой».

«А вот и наш посетитель, и он не один», - заметил я, увидев двух людей, которые шли по саду.

«А кто второй?» - спросила Рут, подходя к окну.

В этот момент они уже подошли достаточно близко, что мы могли их узнать.

«О, да это же Филлис!» - обрадовалась Рут и выбежала в сад.

«Рут и Филлис – старые друзья», - объяснил я Роджеру и мы вышли, чтобы поприветствовать гостей.

«Итак, дети мои, - сказал Голубая Звезда, - мы как раз направлялись на землю, где у нас были кое-какие дела, когда эта юная леди предложила повернуть и заглянуть к вам. Я так понял, что вы были не дома, когда получили мое сообщение?»

«Да, Голубая Звезда, мы с Роджером были в гостях у Франца с Петром».

«А, это хорошо».

«Вы не уделите минуту, чтобы познакомиться с Роджером? Я рассказал ему о вас».

«Надеюсь, вы не раскрыли ему все мои страшные тайны?» - улыбнулся Голубая Звезда.

«Пойдем, я познакомлю тебя с Роджером, - обратилась Рут к Филлис. – Он славный парень. Это наше последнее «дело», и сейчас мы отдыхаем, показывая ему достопримечательности».

Между двумя девушками был яркий контраст – волосы Филлис были черного цвета, а у Рут золотистые. Роджер встал, когда мы вошли, и мы представили его Голубой Звезде и Филлис.

«Ну, что, сын мой, - обратился Голубая Звезда к Роджеру, - ты выглядишь здоровым и счастливым, и в этом нет ничего удивительного, правда?»

«Да, сэр», - улыбнулся юноша.

«Называй меня Голубая Звезда. Меня все так называют, и почему бы и нет? Это тоже имя, или, по крайней мере, одно из них. Некоторые из нас имеют по несколько имен. На земле на такого человека, вероятно, смотрели бы с подозрением, но здесь все иначе. Имя, которое я носил на земле, вызывало большие проблемы, но это была не моя вина, а тех людей, которые использовали его немного вольно».

Голубая Звезда улыбнулся. Его голос имел мягкий тембр, и говорил он неторопливо, тщательно подбирая слова. Хотя по годам он выглядел молодо, все же голос его выдавал человека, прибывшего в духовный мир много сотен лет назад. Эти особенности очевидны для тренированного уха, даже когда все внешние признаки разрушительного действия времени исчезают. Я очень рано понял, что пытаться определить возраст людей здесь – рискованное дело.

«Могу я попросить вас, Голубая Звезда, оказать любезность нашему юному другу?»

«Конечно, монсеньор, если это в моих силах».

«Мы рассказывали Роджеру о здешних именах и объяснили ему происхождение вашего».

«А теперь вы хотите практическую демонстрацию, чтобы увидеть то, от чего оно произошло, так?»

Голубая Звезда приоткрыл одну полу своего роскошного плаща, и мы увидели на его одеянии великолепную звезду, которую мы описали Роджеру.

«Подойди ближе, сын мой, и рассмотри ее, как следует. Она прекрасна, не правда ли? Я сомневаюсь, что ты видел что-нибудь подобное на земле».

«О, это просто невероятно».

«Видишь, какими удивительными свойствами обладают драгоценные камни духовного мира? Им не нужно отражать свет, он исходит от них самих. Если бы можно было поместить эту звезду или другой драгоценный камень в темное место, то он сиял бы, как солнце, переливаясь изумительными цветами. Монсеньор, кажется, назвал его «живым светом». Это абсолютно точно. Земным камням, какими бы прекрасными они ни были, нужен свет, чтобы они заиграли во всей красе. Возьми, к примеру, бесценный бриллиант, помести его в темноту, и все его великолепие исчезнет. Кроме этого, в духовном мире

еще много прекрасных драгоценных камней, сын мой, и все они созданы из того же «живого света». И я думаю, ты уже знаешь, что купить их в духовном мире нельзя».

«Да, Голубая Звезда, я понимаю. Монсеньор и Рут уже много рассказывали мне об этом».

«Здесь ничего нельзя купить и продать, можно только заслужить. Это ли не истинная справедливость? Это делает нас всех равными, и все мы имеем равные шансы заслужить такие сокровища, как эта голубая звезда, например. Монсеньор рассказывал тебе что-нибудь о драгоценных камнях?»

«Нет, Голубая Звезда, ничего не рассказывал, - вмешался я. - До того, как мы получили ваше сообщение, эта тема не возникала».

«Я спросил только потому, что людям не нравится, когда им рассказывают то, что они уже знают. Но раз тебе ничего не известно, то думаю, сын мой, тебе будет интересно знать, что эти камни означают или символизируют. По правде говоря, ничего, кроме их собственной ценности и красоты. Это то, что мы можем назвать дополнением к своей жизни и наградой за службу».

«Что-то подобное орденам на земле?»

«Подобное, но не совсем. Видишь ли, это не то, что земные знаки отличия и ордена, украшенные драгоценностями. Здесь они доступны для всех без различия, кто хочет их заслужить, а не только для некоторых привилегированных людей, как это принято на земле. Мы не получаем вместе с этими наградами титулов к нашим именам. И это, я думаю, правильно, потому что в этом случае они звучали бы довольно странно. И еще нам нет нужды объявлять, что мы являемся обладателями этих наград».

А тебе, я вижу, нравятся красивые вещи, судя о тому, в каком восторге ты от одного их образца. Ты, случайно, не видел драгоценностей Франца-Йозефа и Петра? Конечно же, нет. Они вряд ли покажут их тебе, пока ты их об этом не попросишь. У них и у их коллег много таких изысканных украшений. Все они – награда за то, что они служат нам здесь своей великой музыкой. Однако я совсем заговорился. Интересно, это хорошо или плохо, что скажете, монсеньор?»

«Ну, что сказать? Может быть и плохо, но не здесь, а на земле, особенно, когда говорят не то, что нужно, как когда-то я с церковной кафедры».

Голубая Звезда улыбнулся. «Признаюсь, что я сейчас очень много разговариваю, когда бываю на земле. Единственное, в чем нас здесь не могут обвинить, это то, что мы становимся слишком разговорчивыми в преклонном возрасте. Думаю, ты, Роджер, сначала вообще не мог говорить при виде тех чудес, которые показали тебе твои друзья».

«Это так, Голубая Звезда. Я просто лишился дара речи, закрыл рот и открыл глаза и уши».

«Иногда это бывает очень правильно. На земле некоторые из нас говорят, когда было бы лучше и мудрее промолчать, а другие молчат, когда нужно говорить».

«Я виновен по обоим пунктам, Голубая Звезда!» - признался я.

«В самом деле, монсеньор? – спросил, улыбаясь, Голубая Звезда. - Я имел в виду не вас, а себя! Так вот, Роджер, ты никогда не догадаешься, куда мы с Филлис отправимся через несколько минут, когда покинем вас, потому что время не терпит. Ага, ты удивлен? Как это время не терпит? Я говорю не о нашем мире, а о земле, куда мы направляемся. Монсеньор часто бывает с нами, но не в этот раз. Мы с Филлис собираемся навестить друзей на земле, где будем очень много разговаривать, чтобы их приободрить. Видит Бог, им это необходимо, как и всем на земле. И люди получили бы эту поддержку, если бы обратились к нам. Какое же унылое место эта земля после всего этого света и красок, правда, Роджер?»

«Когда-нибудь, - сказала Филлис, - мы возьмем тебя с собой, чтобы ты увиделся с друзьями на земле. Тебе хотелось бы, Роджер?» - спросила Филлис с очаровательной улыбкой.

«Боюсь, я слишком мало об этом знаю», - осторожно заметил Роджер.

«Конечно. Никто и не ждет, что ты узнаешь все за пять минут. Но ты пойдешь не один. Мы обычно отправляемся туда компанией».

«Я думаю, у Филлис особое пристрастие к компаниям, - заметил с улыбкой Голубая Звезда. - Франц с Петром и их коллеги из музыкального цеха бывают с нами. И Сияющее Крыло, и многие другие, не говоря уже о старике Голубой Звезде», - добавил наш именитый гость.

«Не называй себя стариком», - возмутилась Филлис.

«Спасибо, дитя мое, но в сравнении с присутствующими я не совсем юн».

«Однако выглядите вы очень молодо», - заметил Роджер.

«Ах, ну, это уже другая история. Итак, дети мои, нам пора. Мне было очень приятно поболтать с вами, хотя по земным представлениям мы должны были обсуждать самые серьезные вопросы, которые только возможно, и пытаться объяснить вещи, которые не поддаются объяснению. Все это было бы в высшей степени поучительно, но ужасно скучно. Я предпочитаю нашу милую болтовню. Это гораздо занимательней, и пользы от этого намного больше».

С этими словами наши гости помахали нам на прощание и отправились в свой вояж на землю.

XV. Правитель сферы

«Меня удивляет, - заметил Роджер, - что нигде не заметно никакого правительства».

«Это жалоба или комплимент?»

«Точно не жалоба».

«Тогда сочтем это за комплимент. Да, Роджер, куда ни глянь, нигде не увидишь никаких форм правительства. И, тем не менее, оно есть. Полагаю, ты имел в виду

законодательную власть, постановления парламента и органов местной власти, указы и другие ужасы упорядоченной жизни на земле?

А теперь я задам тебе вопрос, Роджер. Ты видел где-нибудь доски для объявлений, указания, что тебе нельзя делать то-то и то-то, информацию о часах работы или старые знакомые предупреждения типа «Вход воспрещен» или «По траве не ходить»?

«Нигде ни одного».

«И не увидишь, потому что их нет. Необычно, правда?»

«Из чего можно сделать вывод, - добавила Рут, - что мы прекрасно себя ведем».

«Дело в том, что нами управляют естественные законы, самые совершенные во всей вселенной, в миллионы раз лучше, чем все, что когда-либо придумал человек. Их не надо проводить в жизнь, они сами вступают в силу.

Действие естественных законов на земле не так легко распознать. Мало кто может увидеть их в процессе передачи мыслей. Мы это можем, и мы видим результат. Очевидно, что многие из этих законов на земле не действуют. Если бы ты попытался переместить свое физическое тело в пространстве с помощью мысли, как ты делаешь это сейчас, Роджер, то ты не сдвинулся бы с места. И все же естественные законы это не единственное средство управления жизнью в этом мире. У нас есть и правители».

«Я думал скорее о них, когда задавал вам вопрос».

«В каждой сфере есть свой правитель. Это не совсем правильное выражение, и все же мы называем их так».

«Так значит, он не правит?»

«Именно так. Не правит. Он руководит, а это совсем другое дело. Я сейчас говорю о сферах света. И ты сам видишь, насколько проще и приятнее становится от этого наша жизнь. Правительство невозможно свергнуть, чтобы привести к власти еще более некомпетентное и неэффективное. Нет политических фанатиков с безумными идеями, и, самое главное, нет людей, занимающих посты, которым они совершенно не соответствуют. Если бы люди на земле пожелали решить некоторые из своих наболевших проблем, духовный мир мог бы дать им парочку советов, как это сделать».

«Монсеньор подходит к теме, для которой он пожелал бы снова получить одну из своих церковных кафедр», - заметила Рут.

«Это действительно так, дорогая. Но если даже предположить на одно мгновение, что это возможно, то кто прислушается к тому, что я буду говорить? Люди не обратят внимания ни на одно слово самых мудрых голов из духовного мира, не говоря уже обо мне.

Некоторые из нас, как ты знаешь, находятся в тесном контакте с землей и всем, что там происходит, Роджер, и видят, в какую сторону их несет. Ты можешь себе представить, как великие личности из высших сфер оценивают ситуацию?

Посмотри, как церкви тратят свое время и энергию на полнейшие банальности. Это ужасно и достойно сожаления. Ты еще мало видел в этом мире, Роджер, и знаком лишь с несколькими людьми. Ты совсем недавно покинул землю и, конечно, видишь, что духовный мир во многих отношениях правильнее и справедливее земного. Тебе это порядок не кажется более простым?»

«Вы правы, монсеньор. Здесь все кажется намного проще».

«Как ты думаешь, с тех пор, как я покинул землю, на ней много что изменилось?»

«Не могу сказать по собственному опыту, монсеньор, - улыбнулся Роджер, - потому что вы были там до того, как я появился на свет. Но люди говорят, что стандарты во многом снизились».

«Они не могли уйти далеко, если единственное, на что они оказались способны, это две мировые войны, а сейчас уже говорят о третьей. А как насчет религий?»

«Они все еще не могут договориться между собой».

«Совершенно верно. Вернемся к твоим словам о правительстве. Я говорил тебе о правителях, которые руководят сферами. Многие из них живут здесь уже тысячелетия. Чтобы стать одним из них, необходимо обладать высочайшими качествами – знанием людей, состраданием, пониманием и благоразумием, терпением, добротой и духовностью. И это еще не все. Правитель обладает огромным знанием, по крайней мере, так может показаться земному человеку, но ты знаешь, Роджер, на что способна здесь память. Можно с уверенностью сказать, что правитель сферы прекрасно знает своих людей, и именно это так отличает его от остальных. Обычно он происходит из сферы высшей, чем та, которой он руководит.

Кроме того, есть самый великий из всех правителей, и он руководит всеми сферами духовного мира».

Наша беседа проходила в задней комнате дома, когда мы вдруг услышали знакомый голос: «Можно войти?»

«Это Омар!» – воскликнула Рут. Мы вскочили и бросились к двери.

Это действительно был Омар вместе со своим постоянным спутником египтянином.

«Какой сюрприз, Омар! Ты по делу или просто ради удовольствия, или и то и другое?»

«О, конечно, ради удовольствия, - ответил Омар, - дела только старят человека, поэтому я стараюсь их избегать и остаюсь молодым. Как Роджер?»

Роджер был вполне в состоянии ответить сам за себя: «Отлично».

«Это видно по тебе, сын мой. Это главное. Лекарство помогло, и больной полностью поправился. А теперь о том, зачем я здесь. У меня для вас сообщение о том, что мой господин собирается вскоре посетить эту сферу, и он был бы рад заглянуть к вам ненадолго. Вот и все мое поручение – коротко и ясно. Думаю, могу угадать ваш ответ».

«Тут и угадывать нечего, Омар. Это, я полагаю, частный визит в нашу сферу?»

«Да, по крайней мере, настолько, насколько это возможно, а это нелегко, как вы понимаете».

«Великолепная новость, Омар. Не стоит говорить, как мы благодарны, особенно за нашего юного друга».

Мы обменялись еще парой шуток, и Омар со своим спутником ушли.

«Роджер, - сказал я, - я даже не ожидал, что это произойдет так скоро, хотя, по правде говоря, никогда не знаешь наперед».

«А кто этот человек?» - поинтересовался юноша.

«Ты помнишь, однажды ты спросил нас о возрасте духовного мира, и мы ответили тебе, что есть, по крайней мере, одна сущность, которая была до того, как появилась Земля? Конечно же, помнишь. Именно он и собирается нас посетить, и, кстати, именно он является правителем всех сфер духовного мира, о чем мы только что говорили».

Знаешь, Роджер, люди на земле думают, что высшие сущности никогда не покидают своих сфер, потому что им было бы неприятно оставлять ту возвышенную обстановку, в которой они живут. Это совершенно не так. Эти удивительные личности могут посещать различные сферы, и делают это. Может случиться, что ты разговариваешь с кем-то из них и совершенно этого не осознаешь».

«Но эта сущность, наверное, не...»

«Я знаю, что ты хочешь сказать, мальчик мой. Нет, это не Отец Вселенной, хотя из того немного, что мы рассказали тебе, напрашивается именно такой вывод».

Все, кто живет в сферах света, знают его в лицо. Трудно сказать, сколько тысяч людей, включая самого Омара, называют его своим «возлюбленным господином».

Он выполняет ту же функцию, которую каждый отдельный правитель выполняет в своей сфере, объединяя все сферы духовного мира в одну огромную Вселенную, которой правит наш Отец. Ты даже отдаленно не представляешь себе его могущества, Роджер, и при всем этом он самая великодушная сущность, которую только можно вообразить».

Ты сам очень скоро сможешь оценить его огромное знание, духовность и мудрость. Цвета, символизирующие эти три качества - голубой, белый и золотой - отражены в его одеянии. Одежда Омара тех же цветов, но тот, о ком я говорю, еще более велик».

«Меня это все, мягко говоря, немного пугает, монсеньор. На земле я привык находиться на заднем плане, и, похоже, сейчас разумнее поступить так же. Иными словами, исчезнуть, пока не появился ваш посетитель».

«Нет, нет, Роджер, ты должен остаться».

«Но вдруг я вам помешаю?».

«Ах, Роджер, дорогой, - вмешалась Рут, - ты останешься с нами, послушай нашего совета».

Мы углубились в обсуждение этого вопроса, когда вдруг заметили двух наших старых друзей, которые шли по траве нам навстречу. Это был не кто иной, как Франц-Йозеф и Петр Ильич. Мы обменялись сердечными приветствиями, и мы сообщили им о визите Омара и его цели.

«Полагаю, вы останетесь?» - предположил я.

«Думаю, дружище, - ответил Франц, - тебе трудно будет от нас избавиться».

«Роджер немного волнуется».

«Не стоит так переживать, - заметил Петр. - И все же я тебя понимаю. Я скажу тебе, что делать, Роджер. Подожди, пока он не придет, и если все же почувствуешь страх, ты знаешь, как можно быстро исчезнуть. Но это не понадобится. Как только ты увидишь нашего посетителя, тебе захочется остаться. Мы с Францем чувствовали себя точно так же, когда впервые увидели его. После этого мы еще много раз встречались и разговаривали с ним. Мы ему очень благодарны, потому что именно из его высшей сферы искусство получает вдохновение, которое доходит даже до земли. Многие из нас с тех пор, как перешли сюда, осознали это и благодарны за то, что получили, будучи на земле. Ты согласен, Франц?»

«Действительно. Мы еще не понимали тогда, откуда приходят наши идеи».

Тем временем Рут поставила в гостиной красивое кресло для нашего гостя – она всегда настаивала на том, чтобы это задание в таких случаях поручалось именно ей.

Собравшись у дома, мы вдруг почувствовали, что свет вокруг начинает становиться ярче – это был несомненный признак того, что наш посетитель уже близко. Поэтому мы пошли по окаймленной клумбами дорожке, которая вела от дома к месту, где мы ожидали встретить нашего гостя. Еще несколько мгновений, и мы его увидели. По обе стороны от него шагали Омар и египтянин, державший в руках большой букет великолепных белых роз, который, как мы позже обнаружили, был составлен из нескольких маленьких букетов. Омар заговорил первым.

«Ну, что, друзья мои, вот мы и встретились снова. И Франц с Петром тоже здесь. Отлично».

Наш посетитель поздоровался с каждым из нас за руку и тепло поприветствовал нас. Франц и Петр взяли Роджера за руки, чтобы придать ему уверенности, и это зрелище весьма позабавило нашего гостя, потому что это выглядело так, словно наши друзья крепко держат юношу.

«Это еще что такое, дети мои? – засмеялся он. - Вы держите парня, чтобы он не сбежал?»

Рут объяснила, что у Роджера еще мало опыта, и он немного волнуется.

«Роджер, дитя мое, ну, что здесь такого страшного? Ты меня боишься? Дай мне руку – вот так. А теперь отбрось все свои страхи, чтобы они больше не возвращались. Звучит, как заклинание, не правда ли?»

К Роджеру вернулась уверенность, и он снова стал самим собой.

«Я думаю, Франц и Петр, теперь вы можете освободить своего пленника».

Друзья были немного сконфужены, потому что никто из них, в том числе и сам Роджер, даже не заметили, что они все еще держались за руки. Остальных очень позабавил этот маленький эпизод, незначительный сам по себе, но исполненный доброты и человечности и показывающий ясно, как белый день, что даже сущности из высших сфер духовного мира не какие-то немислимые, суровые и неприступные, лишенные улыбки и чувства юмора существа, но что они, напротив, являются воплощением всего, что есть самого доброго и человеческого.

Роджер ни на минуту не сводил глаз с нашего именитого гостя, на котором было обычное для таких визитов одеяние – тонкое, как паутина, платье, окаймленное золотой лентой, поверх которого был надет роскошный блестящий голубой плащ, застегнутый большой розовой жемчужиной. Его волосы были золотого цвета, который в высшей сфере, где он жил, превращался в золотое сияние.

Казалось, Роджера больше всего притягивало лицо нашего гостя, потому что несмотря на то, что мы рассказали о его возрасте, измеряемом миллионами лет в земном исчислении, Роджер не замечал ни малейших следов, оставленных временем. И все же он знал, что за этим человеком стоит вечность, хотя внешне он был олицетворением юности.

Наконец мы вошли в дом. Наш гость устроился в специально для него приготовленном кресле, а мы уселись полукругом вокруг него.

Наш посетитель обращался к каждому из нас по очереди, и здесь позвольте мне заверить вас, что наш разговор проходил в весьма рациональном ключе. Мы не были похожи на группу школьников, вверенных внушающему благоговейный трепет надзирателю. Мы могли свободно говорить, соблюдая обычный хороший тон, и самое главное, у нас было множество поводов посмеяться, и мы смеялись. Там, где был Омар, ни один разговор не обходился без юмора, а Франц с Петром умело ему помогали и поддерживали. Роджер восхищался их кажущейся смелостью, но вскоре понял, что также может свободно высказывать свои мысли, если пожелает.

Наш гость поблагодарил обоих композиторов и их коллег за их труд и заверил, что и дальше будет поддерживать и вдохновлять их. Было интересно послушать – а для Роджера это стало еще одним открытием из множества – как они втроем оживленно обсуждают вопросы музыкальной техники. Наконец наш гость заговорил с Роджером о его будущем и поразил юношу знанием его личной жизни и интересом к ней.

«Я получил из нескольких источников информацию – мне сказал Омар, а Омару, в свою очередь, монсеньор – что ты проявляешь интерес к созданию цветов».

Роджер рассказал о нашем посещении садовника, который радушно пригласил его присоединиться к своим ученикам, когда он пожелает.

«Прекрасно, сын мой. Как видишь, здесь много полезной работы, которая будет приносить тебе радость и способствовать твоему прогрессу и продвижению по сферам духовного мира. Еще ты увидишь, как мы выполняем различные задачи для общего блага, не думая о личном вознаграждении. Но награда, тем не менее, будет, и щедрая награда, как ты сам убедишься.

Работа ждет тебя, как только ты почувствуешь желание ею заниматься, но это не значит, что ты должен ради этого сокращать свое путешествие по этому миру. Никто здесь не собирается – если бы он даже имел на это право – устанавливать для тебя определенные сроки. Но наступит время, когда твой разум начнет ощущать потребность в активном действии больше, чем в пассивном созерцании.

У тебя никогда не будет недостатка в мудрых и готовых тебе помочь людях. Даже за это короткое время ты успел собрать вокруг себя друзей, с которыми тебя ничто не разлучит, потому что в этом мире разлук не бывает. Мы всегда здесь так же, как и ты сам.

Если ты хочешь заниматься музыкой или каким-нибудь другим искусством, мы можем предоставить тебе таких учителей, каких не найдешь на земле, потому что здесь у нас собрались настоящие мастера, двоих из которых я очень рад видеть сегодня здесь.

Поэтому, Роджер, принимайся за работу, как только почувствуешь желание, и помни о том, что ни одно усилие в этом мире не бывает затрачено напрасно.

А теперь, друзья, нам пора. Но сначала я хочу подарить вам это в память о нашем визите».

Египтянин передал ему букет роз.

«Примите это, друзья мои, с любовью и благословением. Возможно, Роджер, ты научишься создавать такие же красивые белые розы. Вспомни обо мне, когда будешь заниматься этим, и мои мысли передадутся тебе, потому что белые розы – мои любимые цветы. Твои друзья уже видели их в моем саду. Я думаю, Омар, - добавил он в заключение, - нам пора возвращаться. Да будет с вами благословение Господа, дети мои, и моя любовь».

И с этими словами наши гости покинули нас.

«Ну, что, Роджер, – начал я через несколько мгновений, - ты доволен, что остался?»

«Ты рад, что не сбежал?» - спросили хором Петр и Франц.

Но Роджер все еще витал в облаках. А когда пришел в себя, начал в восторге танцевать по комнате, увлекая нас за собой. Франц и Петр, в таком же приподнятом настроении, сели за фортепиано и с жаром сыграли в четыре руки, в то время как Рут с Роджером продолжали танцевать.

Наконец мы немного успокоились, хотя бурная радость, охватывающая в таких ситуациях, должна была сначала получить какой-то выход.

То, что произошло с нами, не было «духовным переживанием», за которое сочли бы это религиозно настроенные люди на земле. Да, это было потрясающе, и духовную ценность

этого события невозможно не признать, но чувства, которые мы испытывали при этом, были светлыми, радостными и счастливыми, а не ханжески-благочестивыми. В этом не было ничего, внушавшего благоговейный трепет и лишавшего нас удовольствия и радости, потому что визит задумывался именно для того, чтобы доставить их нам, а не только для того, чтобы принести пользу нашим «бессмертным душам». Бессмертные души могут получать большую пользу совершенно естественным образом, не приправляя это неестественной, ложной религиозностью. Отсюда – наша бурная радость, которую мы совершенно не стесняемся проявлять.

После ухода наших гостей мы еще долго беседовали, обсуждая с Роджером его планы начать работу у садовника, в перерывах между которой он мог бы продолжать свое исследование этого мира, если у него будет желание. Мы заверили его, что даже если мы с Рут в этот момент будем заняты собственной работой, у него никогда не будет недостатка в проводниках. И действительно, Франц с Петром вызвались замещать нас в случае необходимости.

Оставалось только известить нашего друга садовника о скором прибытии нового ученика. Это мы и сделали, отправившись в сад-питомник, где нас радушно приняли и заверили, что очень скоро Роджер научится создавать множество красивых цветов, а особенно белые розы, что стало его большой и заветной мечтой.

Эпилог

Наши экскурсии и визиты временно прекратились, как только Роджер стал учеником садовника, и первое время мы редко с ним виделись. Он очень быстро приобрел сноровку, и два великолепных куста белых роз по обе стороны дорожки, ведущей к нашему дому, яркое свидетельство этому. После этого он сделал передышку, и мы могли встречаться чаще, если это позволяла наша работа.

Он оборудовал себе кабинет на верхнем этаже нашего дома, заполненный специальной литературой, где он в настоящее время занимается более подробным изучением особенно сложных способов создания цветов. У него также кое-какие планы в отношении нашего сада, который он тщательно обмерял, из чего мы с Рут сделали заключение, что вскоре он будет подвергнут существенным изменениям и реконструкции, и мы с удовольствием ждем этого момента.

Друзья Роджера также получают пользу от его новых навыков. Сияющее Крыло сообщил, что его сад украшает сейчас множество ярких цветов совершенных форм, и еще несколько предложений Роджера было успешно реализовано к большому удовольствию владельца сада.

Франц-Йозеф и Петр Ильич постоянно получают изысканные букеты цветов для украшения своих домов, а Петр утверждает, что участок вокруг его домика в лесу попал в поле зрения Роджера, и он дал ему карт-бланш на любые усовершенствования, которые он только пожелает произвести.

Наш друг из коттеджа также не остался без внимания. Роджер часто его навещает, и они быстро подружились.

Чтобы избежать недоразумений, я хотел бы пояснить, что наш юный друг Роджер, краткое описание жизни которого в духовном мире стало темой этого повествования, это не

выдуманная личность, созданная специально для того, чтобы на его примере рассказать о некоторых фактах духовной жизни. Это реальное лицо, о переходе и последующей истории которого здесь рассказывается. Это самая обычная история, которую можно было бы рассказать о тысячах других молодых людей. Она не является исключительной или необычной, и хотя Роджер может выступить в качестве типичного примера, тем не менее, это Роджер, обаятельный молодой человек, чьи веселые шутки являются источником нашей постоянной радости, и за веселостью которого скрываются доброта, решительность и ум. Он находит общий язык как с долгожителями этого мира, так и с совсем молодыми людьми. Много раз он сопровождал нас с Рут в детскую сферу, где Рут всегда желанный гость, и как сама по себе, и как музыкальный исполнитель, а я приобрел репутацию рассказчика. Здесь, в этой чарующей обстановке, окруженный малышами, Роджер чувствует себя в своей стихии.

Он относится к своей работе с такой восторженностью, что кажется, он задался целью увлечь нас с Рут изучением цветоводства в дополнение к остальным нашим занятиям. Если ему это удастся, мы будем настаивать на том, чтобы он сам взял нас в ученики и обучал искусству, одаренным представителем которого он является.

Осталось сказать еще несколько слов: нас обязательно упрекнут в том, что все описанное здесь настолько незначительно, что ему нет места в великой духовной схеме жизни в потустороннем мире, и что развоплощенных личностей могут занимать только вопросы высшей важности и великого значения.

Духовный мир всегда был местом, где люди могли жить в таком благополучии и счастье, как это задумывалось изначально. Мы не проводим нашу вечность в постоянных молитвах и восхвалениях, потому что это была бы уже не жизнь, и даже не существование. Мы не тратим время впустую в глубокомысленных теологических дискуссиях на малопонятные темы и даже на более обычные, потому что у нас есть, чем заняться, и эти занятия более полезные и намного более интересные и приятные. Наши беседы всегда рациональны и естественны. Мы не говорим религиозными текстами и цитатами из Библии, и нас не наделяют глубокими знаниями и острым мышлением сразу же по вступлении в духовный мир. И мы благодарны за то, что можем быть самими собой, а не такими, какими хотят нас видеть другие.

И в заключение: друзья, находящиеся со мной в этом мире, просят меня позволить им присоединиться ко мне, и я говорю всем вам:

Благослови вас всемогущий Господь!